

18+

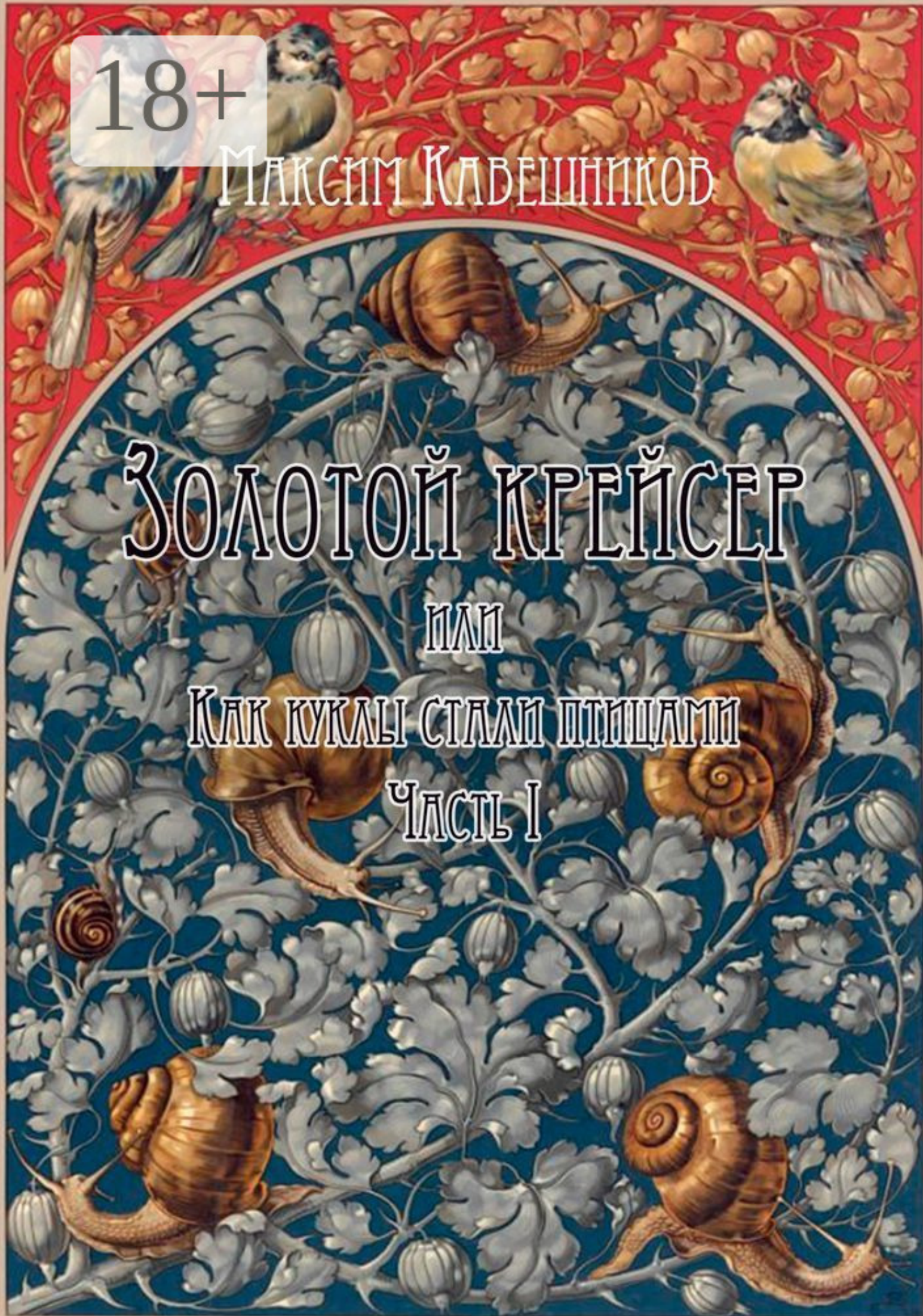
МАКСИМ КЛВЕШНИКОВ

ЗОЛОТОЙ КРЕЙСЕР

ИЛИ

КАК КУКЛЫ СТАЛИ ПТИЦАМИ

Часть I

Максим Кавешников

**Золотой крейсер, или Как
куклы стали птицами. Часть 1**

«Издательские решения»

Кавешников М.

Золотой крейсер, или Как куклы стали птицами. Часть 1 /
М. Кавешников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511688-8

Как быть, если тебя заставляют бежать, земля уходит из-под ног, за тобой скользят страшные тени, о существовании которых ты не мог и представить, а твой мир рушится на глазах? Кукол увлекает вереница событий, итогом которых станет последний день человеческой истории. В этой книге путь пилигримок проляжет по водам Тайного моря. В конце их ждет некий старик, но кто он — добрый волшебник, или монстр — им суждено узнать, когда море изменит их изнутри, а демоны будут побеждены простыми куклами. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-511688-8

© Кавешников М.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	36
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Золотой крейсер, или Как куклы стали птицами Часть 1

Максим Кавешников

© Максим Кавешников, 2020

ISBN 978-5-0051-1688-8 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-1689-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бог стал Человеком, чтобы человек стал богом.

Афанасий Великий.

Часть I

Глава 1 Кармашки

Продолжая цепочку странных происшествий, лавируя между редких долетающих брызг прибоя, малиновый, как кровь новопреставленных, мотылек явно выписывал знаки. Знаки чьего-то послания для них.

Страшного послания.

Окончательно сбита с толку дриада, изо всех сил прижимая плачущую малышку Пуговку к груди, обнаруживала одну за другой невидимые буквы и символы, и, совершенно того не желая, складывала и сплетала слова в цельную вязь.

Над горизонтом снова пророкотали вертолеты. Невыносимо ныло под ложечкой – Споменку пробирал мороз, и совсем не от набравшего силу северного ветра.

– Мы же еле выбрались оттуда! – прозвучал за спиной, без намека на эмоцию, голос Ингрид. Не нужно было оборачиваться, что бы понять – на нее сейчас смотрят все они. Смотрят, как на полоумную. Да она и сама себя так ощущала. Господи, ее же и саму воротило от одного только вида саквояжа! Черного, как самая черная во вселенной жаба. Кому в здравом уме придет в голову лезть монстру в пасть?

И все-таки... И все-таки, их новый друг, премило попрощавшийся, пожелавший попутного ветра – О, Боже – в шторм – попутного ветра! – удаляющийся сейчас с чувством выполненного долга, уже ознакомил ее с полным раскладом, оставив ее с этим раскладом наедине. У них нет других вариантов.

«И мотылек...» – дриада обреченно взглянула на Ингрид, в ее прекрасные обозленные глаза с гетерохромическими зрачками великолепных покойников прошлого Боуи и Менсона.

– Это же... это же бред! Я... Я... Я не... – подвывала Пуговка.

Рок-н-Ролл Мама уселась на мокрую гальку, и, обхватив руками голову, отрешилась от происходящего. Она забыла о котенке, и Мурочка, единственная, кому, в силу загадочной природы, не было страшно и тоскливо, выскользнула из ее сильных рук, и теперь вертела головкой во все стороны, жадно ища в сырой темноте неуловимую красную бабочку.

Жужа улеглась на спину, с упреком обратив опустевшую глазницу к мрачному небу. Сонный Олененок затравлено следил за кружащими над горизонтом красными точками.

«Нехорошо это все!» – Споменка на несколько секунд позволила себе закрыть глаза. Сглотнула.

– Проводник, – терпеливо повторила она, обведя помрачневшие серые лица взглядом, ничуть ни полным решимости, – как сказал Достаточно Честный...

– Мне... мне... – дрожь малышки Пуговки слабела, но ведь и времени расклеиваться им не оставили, – плевать, что... что он там ска... сказал! Ты... ты что, не видишь? Нас первая же вол... волна...

Малышка осеклась – парик соскользнул с гладкой, совсем безволосой головки, но она даже не обратила на это внимания. Ее затрясло с новой силой.

– Я тоже боюсь. Совсем не чувствую моря. Оно... – дриада делала непозволительно длинные паузы, обращаясь не столько к Пуговке, сколько к самой себе, и медленные слова звучали как приговор.

«У нас нет выбора!»

Она донельзя вымоталась, как, собственно, и все они, и сейчас хотела того же, что и все – чтоб весь этот ад закончился. Пусть даже и так, как решено не ими.

– Оно совсем не похоже на лес, – Споменка продолжала с силой прижимать малышку к себе, тратя из того немногого, что осталось, лишь бы истерика утихла, с упавшим сердцем отметила, как Эньо апатично швыряет камешки в пену, отчего та шипит только еще злее, – Но куда нам еще деться?

Пуговка, не отнимая лица от заплаканной груди дриады, замотала головой.

«Нам что-то мешает! Нам не дадут уйти отсюда!» – Споменка впервые по-настоящему испугалась почерпнутого из воздушных иероглифов бабочки. Покосилась на мертвую старуху, чей слегка мерцающий в сумраке силуэт расплылся нечетким пятном.

– Мы просто зажмурим глаза, и будем плыть, – она наклонилась к Пуговке, удерживая ее за поникшие плечи, заглянула в размокшее личико, – Ладушки?

– Пока не доплывем? – от доверия, обнаруженного в ее глазах, Споменке стало нехорошо.

«С каких это пор?» – ужаснулась она про себя.

– Да, моя хорошая, пока не доплывем! – теперь и ее глаза блеснули влагой.

«Знать бы только – куда? Старик... Кто он? Снова загадки... Достаточно Честный? А достаточно ли он честный? Права малышка, права! Куда нам в такие волны?»

Споменка, мрачно взглянула на темную воду, щетинящуюся черными осколками. Перевела взгляд на изгиб пляжного песчаного вала, на котором в двоящемся мусорном баке двоящиеся чайки раздирали клювами двоящийся черный пакет.

Где-то на уровне инстинкта что-то очень и очень не нравилось ей в этих птицах.

«Усталость, – надеялась Споменка, – Усталость и нервы»

Все, что они встретили за эту ночь, никак не дышало дружелюбием. Мир за пределами Дома, все-все вокруг – абсолютно все – оказалось не просто неизведанным – все было – опасность, злоба. И ни в чем никакой логики. Однако чайки не нравились ей как-то иначе. Не как хищники.

«Должно быть, в этих кузнях и куются параноики» – кисло улыбнулась дриада.

А еще ее волновала черная прямоугольная дыра под кипой сложенных пластиковых топчанов. Черный котиче, она видела, затаился где-то там. Внимательные глаза неестественно крупного хищника следили за происходящим на побережье. Глаза эти поглядывали на чаек, но в основном наблюдали за отрезанными от суши, загнанными в угол беглянками.

– Валить надо отсюда! – процедила сквозь зубы подошедшая к ним Зюка, безуспешно изображая безмятежность, – За нами уже следят!

Дриада еле заметно кивнула. Поймала себя на том, что в пальцах совсем не к месту появилась дрожь.

«Пора! Сейчас! Иначе...»

Иначе их не отпустят.

«Бездна бездну призывает!» – вздохнула Споменка, когда последней, одиннадцатой, вступила на борт, сжимая вверенную ей деревянную коробочку. Последний раз огляделась, поражаясь, насколько реальность накануне утра реальна. Грозовые облака, пригнанные ветрами за ночь, принесли темноту другого порядка, от чего волнение необъяснимо усилилось. Взглянула туда, где и ведьма, и здоровенный черный котяра, вот-вот исчезнут из их жизни навсегда.

«Все страньше и страньше! – подумала она, вновь обнаружив мотылька – закончив изливать пророчества, тот присел на край медной створки саквояжа, аккуратно позади котенка, – Раздвигаюсь, словно подзорная труба!»

Безвольными шарнирными пальцами Споменка открыла шкатулку. Не смотря на порывы ветра, все внутри саквояжа сразу же замерло, когда свет побежал по прожилкам Золотого

Камня. Дриада торжественно произнесла странно простые слова, больше похожие на детскую считалочку:

– День и ночь идем за Светом! – и суденышко, о котором никто бы никогда не догадался, что это – суденышко, вздрогнуло.

– Работает! – вышла из оцепенения Зюка, – Ну-ка, еще!

Олененок, до этого следивший за котом, тоже, будто проснулся. Изучающе взглянул на ступни, которыми ощутил вибрацию.

– День и ночь идем за Светом! – повторила дриада. Ковчег задрожал сильнее, словно пробуждающийся колокол. Мотылек покинул борт, и Мурочка никогда больше не вспомнила о нем.

Чайки на берегу замерли – все, одновременно. Суетливо заозирались, бестолково моргая, не понимая, что было источником звука.

– Скорее, Нена, скорее! – процедила сквозь зубы Ингрид, буравя чаек разноцветными зрачками. Дриада снова повторила слова, затем, без перерыва еще, и еще. Саквояж затрясло, как ракету на старте, а затем невидимой рукой потащило по битой гальке прямо в прибор. Завизжали все, даже Споменка. Волны с шелестом ударили в лоб, но, не смотря на силу, не причинили никакого вреда, разве что окатив беглянок мелкими брызгами. И тут случилась очередная странность.

Чайки, которым, казалось, дела до них не было все это время, словно сорвались с цепи. Дриада, следившая за птицами, насчитала бы максимум с десяток. Теперь же будто кто-то использовал заклятье умножения. Легионы чаек, ставшие легионами в считанные мгновенья, превратились в надрывно трясущийся водоворот – тысячи клювов судорожно искали добраться до беглянок. Клубясь черным и серым, с надтреснутым истошным клекотом рассекая и сминая воздух, взрывная волна рванула к прибору, но тут же, словно наткнувшись на что-то, растеклась в обе стороны пятном темной крови.

Пуговка больше не плакала. С отвисшей челюстью и опухшими веками глазела на берег – там творилось нечто необъяснимое. Град клювов и костей засвидетельствовал – между морем и сушей броня. Броня из воздуха.

– Они... Они не могут... – зачаровано произнесла Маргоша, но договорить не успела. Отчаливший ковчег накрыл шквал звериного ора. Лихорадочные вопли, нарастая и нарастая, сливались в единый вибрирующий звук, грозивший расколоть небо и порвать барабанные перепонки.

Стражи, выставленные Ламашту на пляже пару часов тому, тщательно следившие за вверенной им территорией, настигли и расправились с первой, но бездарно упустили вторую – главную – добычу. Никому из них невдомек было, что корень внезапной проблемы находится под боком – под кипой пластиковых шезлонгов.

А корень проблем был вполне удовлетворен ходом событий, и в отличие от мотылька не считал, что их цепочка завершена. Напротив – по его мнению, все только начиналось.

Визг, и без того невыносимый, перерос в пронзительный свист. Чайки, похожие теперь на искромсанные в шреде обрывки бумаги, царапали поверхность чего-то невидимого, ломая когти и крылья, сворачивая шеи, изрыгая звук чудовищной силы и противоестественной злобы.

У одной, затем еще одной треснул клюв, из-под глаза третьей, набухла и вытекла кровавая капля. Передние из птиц уже были задавлены, и изувечены, а задние напирали все сильнее, изо всех сил пытаясь продавить преграду.

– Что это? – вытаращив глаза, выдавила из себя Черная Рок-н-Ролл Мама, однако никто не слышал ее. И она, и все остальные пытались спасти слух от страшного звукового давления. И пальцев едва ли хватало для этого – громкость росла в геометрической прогрессии. Волны и сила Золотого Камня тем временем отталкивали саквояж все дальше от берега, и картина, предстающая перед его пассажирами во все своей красе, просто заворачивала.

Девочки ошарашено переглядывались, с ужасом провожая беснующееся облако похожее на оживший черно-серый фарш, закрывшее почти весь берег, даже не подозревая, каких потревожили демонов и каким чудом избежали встречи с ними.

Шум волн и нарождающегося шторма все больше очищал пространство, оскверненное чудовищной какофонией, а страшное облако, ничем уже не похожее на стаю чаек, постепенно растворялось за все более плотной пеленой брызг.

– Из-за нас! – ошалевшая, выдохнула Мишель, когда вернулся смысл произносить слова, – Из-за нас!

– Хорошие куклы всегда в цене, Ми-Шесть! – Эньо-Птичка первая освободила ушные раковины от пальцев.

– Господь милостивый! – просипела Жануария.

– Что ж, хоть кто-то будет по нам тосковать, – криво улыбнулась Ингрид.

Стало заметно тише, и путешественницы услышали негромкий голос – все это время Споменка не переставала повторять несложную, но, как оказалось, эффектную считалочку.

Крепчающие волны, каждая из которых могла с легкостью перемолоть их, наваливались друг на друга, но море словно не замечало хлипкого ковчега – вода, как по волшебству, просто огибала его.

И все же грозное ворчание ветра вызывало тревогу – было похоже, что их ждет новая проблема. Где-то там, где их заставили попрощаться с прошлым, пророкотал гром. Напуганные, они затаились в не таком уж и глубоком трюме, тоска и неуверенность разноцветных глаз превратилась в затравленный светящийся фосфор.

Они с ужасом провозжали вершины нависающих волн, ища в темноте глаза друг друга, и тут же отводя взгляды, словно участницы странного преступления. Преступления, на которое никто из них не решился бы по отдельности, и, все-таки, совершаемого по негласному всеобщему согласию, совершаемого ввиду непреодолимых обстоятельств и самого нелепого рока.

Импровизированное судно взяло курс к весьма странному месту.

Большой шторм, с грозой и шквальным ветром, с волнами, которых беглянки днем раньше и представить себе не смогли бы, настиг спустя три часа. Море не смяло суденышко. Но болтало изрядно. Парики промокли еще до того, как вода стала хлестать с разорвавшихся небес, и теперь, когда девочки попрятали их кто куда, заблудший альбатрос мог бы весьма удивиться, увидев с высоты своего полета среди штормового хаоса корзину с некрашеными пасхальными яйцами.

Мурочка забралась Черной Рок-н-Ролл Маме под юбку, которая через время тоже промокла насквозь. Пуговка, зажмурив глаза, бесконечно повторяла считалочку: «Зайку бросила хозяйка, под дождем остался зайка!» – почему-то это успокаивало ее. Олененок уткнул головку Жуже в подол, и та, скорее рефлекторно, гладила украшенные умелой кистью, смоченные пресной и соленой водой рожки, лысую головку; сама же единственным оставшимся глазом вперилась в чарующую черно-зеленую смерть.

Болтанка и рев ветра изводили весь день. Невольно стали закрадываться неприятные мысли – а не зря ли они ступили на эту палубу? Не вечно ли льют дожди над морем? Что они вообще знают о море?

Их давно окружала только темнота, и была ли это темнота уже новой ночи, или еще нет – никто с уверенностью не сказал бы – буря поглотила их так давно, что запросто можно было бы забыть имена, став частью хаоса.

«Имя – единственное, что все получают в дар, и чего нельзя отнять, – флегматично размышляла Ингрид, обняв колени, положив на них подбородок, глядя в черное воющее марево, – но – что можно потерять!»

Они мало-помалу привыкли к осознанию того, что как ни странно, все еще целы, и вода, раз уж не поглотила до сих пор, возможно, уже и не призвет в свои гостеприимные чертоги.

Одoleваемые усталостью, одна за другой, они заняли кармашки, которых было предостаточно на внутренней обшивке саквояжа. Содержимое просто выкидывалось вниз, где, ввиду размеров, досталось лечь Черной Рок-н-Ролл Маме. Но она не возражала. Лишь устало распахала вываленное из кармашков по углам.

Мешочек с сушеной травой пришелся кстати – Рок-н-Ролл Мама сочла его годным, чтобы тот сослужил службу в качестве подушки. Она попыталась взбить «подушку», но запах, исходивший изнутри, заставил ее оторопеть. Жануария понятия не имела, что это за аромат – никогда раньше такого обонять не доводилось.

Или приходилось?

Сдвинув брови, она замерла. Ей почудился... детский смех?

Не просто детский. Что-то дрогнуло в ее несуществующей памяти. Памяти о тех временах, которых не было, которых никак не могло быть.

«У тебя не было никаких детей! – испугалась она, – У тебя не было и не могло быть никаких детей!»

Кто-то только пытался уснуть, слушая ругательства ветра, кто-то счастливо забылся сразу. Жануария лежала, боясь пошевелиться, вдыхая незнакомый аромат, а может – и знакомый, вглядываясь в темноту незрячими глазами, прислушиваясь к смеху, которого больше не было, копаясь в лабиринтах воспоминаний, которых и в самом деле никак не могло быть, не зная, как и где искать отгадку, ведь не было даже вопроса.

«Мята!» – то ли на изломе реальностей прошептал ее разум, погружаясь в сон, то ли само слово просочилось из тех же лакун, откуда к ней попытались прорваться воспоминания. Рок-н-Ролл Мама отключилась.

Жужа устроилась в верхнем ярусе. Она не чувствовала усталости. Вообще ничего не чувствовала. Опустошенная стрессом, пережитым после потери глаза, она проспала весь день, и теперь отрешенно созерцала прямоугольник темно-серого неба, почти размышляя, и почти ни о чем не думая одновременно.

Споменка же боролась со сном. Сжимая шкатулку, опустила ее в глубину кармана, который служил теперь и капитанским мостиком, и смотровой площадкой юнги одновременно, чтобы Проводник, если вдруг она его и уронит, не бултыхнулся в воду. Час за часом продолжала шептать путеводные слова все более заплетающимся языком, чувствуя, как сон подбирается все ближе. Ей, ничего не знающей о порядках жизни и службы военных и моряков, первой пришло в голову, что следовало сообразить некую поочередность. Люди называют это словами «дежурство», «вахта», «смена», и Споменка не без досады вспомнила каждое из этих слов. Когда в сотый раз сокрушалась, что никого не попросила сменить ее, на плечо легла ладонь.

– Иди, отдохни!

– Ох, это ты! Еще немного – и уснула бы!

От усталости она даже не сообразила, что чудо повторилось – подруга заговорила.

– Давай по очереди, – предложила Жужа.

Очередная сильная волна накатила на них, но ковчег лишь качнулся, невозмутимо продолжив свой ход.

– Ты... как? – поддавшись слабости, и сомкнув веки, спросила ее Споменка. Вкрай смиренная, не стала противиться тому, что шкатулку аккуратно потянули из ее ладоней.

– Иди, Нена. Я поспала, поспи теперь ты. Иди!

Споменка пошатнулась, вздрогнув, вытаращила испуганные непонимающие глаза.

– Где он? Где... – заметив, что Камень у Жужи, замерла, что-то соображая, с облегчением выдохнула. Та печально рассматривала огоньки, бегущие по прожилкам. Почувствовав взгляд, отвернулась. Споменке не надо было быть провидицей, чтобы поймать в легком, нетипичном повороте шеи тяжелейшее уныние.

«Господи, как тебе помочь?» – бессильно вздохнула дриада, не находя никаких подходящих идей. Мысли стали непослушными, расплзались в разные стороны, а зрение выделяло фокусы, не желая дальше делать свою работу.

– Иди, Нена! Иди!

Споменка устроилась у юбки Рок-н-Ролл Мамы, и через несколько секунд Жужа услышала между порывов ветра ее сопение.

Оставшись одна, она произнесла немудреные слова, и почувствовала, как некая сила, легкая, странная, движет кораблик. На сердце странным образом посветлело, даже в голове, будто бы, прояснилось. Грустно улыбнулась, произнесла вновь.

Некоторое время просто любовалась игрой огоньков в прожилках Золотого Камня, получая от этого несказанное удовольствие. Правда, радость омрачало отсутствие глаза, похожее на чувство клаустрофобии.

Клаустрофобия породила клаустрофобию, и кармашек, в котором сидела дриада, стал казаться тесным. Она перебралась в соседний. Он был заполнен мешочком с чем-то сыпучим. Перебралась в следующий, оказавшийся пустым. Кармашек пришелся в самый раз.

«Мои ноги длиннее твоих!» – мысленно похвасталась она перед спящей Споменкой и расплылась в улыбке, которая тут же померкла. В который раз Жужа неосознанно коснулась чудовищной дыры на месте левого глаза, тут же брезгливо одернув руку.

Боковым зрением засекла движение в темноте по правый борт. Машинально взглянула туда, отчего перехватило дыхание. Сразу же вспомнила о Проводнике.

– День и ночь идем за Светом! День и ночь идем за Светом! – испуганно затараторила Жужа: на них шел громадный вал темной, тяжелой воды. В какой-то миг она испугалась, что это чайки, те самые, каким-то образом – может, вселившись в утонувшее гадаринское стадо – настигают их.

Но, не смотря на размеры волны, на устрашающее шипение, саквояж всего лишь сильно накренился. В этот момент она и почувствовала, как что-то легонько стукнуло о лодыжку. Ковчег выровнялся, и, пошарив на дне кармашка, Жужа выудила оттуда маленький стеклянный шарик.

И не поверила тому, что видит.

Тучи сожрали весь свет, но она видела то, что видела! Никто на всем белом свете не мог оспорить то, что это был ЕЕ ГЛАЗ! Ее, пропавший в прошлую ночь, ЕЕ СОБСТВЕННЫЙ ГЛАЗ!

Она так и простояла несколько счастливых мгновений, держа в правой руке Золотой Камень, в левой – оказавшуюся тут непонятно какими судьбами пропажу.

Жужа с трудом удержалась, чтобы не разбудить Маргошу, спящую без задних ног совсем рядом – так ее распырало от радости.

«Он все время был тут!» – недоумевала она, – «И откуда, откуда, только он тут взялся?»

На несколько секунд в черной, неподъемной массе штормовых облаков образовалась прореха, и показалось солнце, слишком нереальное, чтоб быть солнцем. Жужа, как и все они, утратившая чувство времени, давно считала, что наступила ночь, и не сразу поняла, что это никакая не луна. Свет, за которым им теперь предстояло спешить день и ночь, явил ей себя, и был похож на новорожденного.

– И сказал Бог: да будет свет. И стал свет! – негромко, чтобы никого не разбудить сказала она солнцу, и прижала к груди найденную утрату.

Ей до жути хотелось, чтоб это было утро, чтоб можно было поделиться радостью с подружками и девочки помогли вставить глаз на место. Но, как и все новорожденные, солнце бодрствовало недолго – через некоторое время, мир накрыла всеобъемлющая тьма.

Глава 2

Змей

Когда по-волчьи горящие глаза приближались так близко, что можно было угадать, редкий ли это теперь дальнобой, или очередной из караванов военных, она сходила с трассы. В длинном, бывшем когда-то черным, платье, похожая на призрак монахини, она спешила прочь от засыпающего города, избегая любой встречи, любого свидетеля из несущихся в металлических коробках. Никто и не замечал неимущую цвета тень, если и мелькнувшую в боковом окне, то где-то на самой грани восприятия.

Ей безразличны были слухи об обвале валют, отзыве дипломатов. Вереница событий стремительно ломающегося мира, все эти казусы белле, дипотношения, урегулирования и разрастания локальных конфликтов, все это вертелось где-то в стороне, никак не касаясь ее ума.

Своего было по горло.

Пройдя три – четыре километра прикинула – далеко ли ушла от источников света. Ничего, кроме пары глохнувших за далекой растительностью фонарей загородных подсобок. Некоторое время, щурилась, разрезая кошачьими зрачками темноту. Убедившись в отсутствии лишних глаз, окончательно сошла с трассы и направилась вглубь поля вдоль перпендикулярной дороге лесополосы. Глухая тьма уже вползла и заполнила поле, высосав последний пигмент, обратив шипящую зелень в такое же, как и она, бесцветно-сумеречное марево.

С непостижимой для постороннего наблюдателя легкостью она тащила увесистый чемодан змеиной кожи, но прострелы в сохнувших хрящах и комья земли все равно уродовали походку. Ей пояснили, что никакая это не боль. Своего рода иллюзия, неизбежная проекция того, что было бы с телом, не будь она одной из них.

«Объяснить-то объяснили, вот только...» – зло кривясь выдыхала она, когда боль отпустила.

Вот только иллюзии все больше принимали характер неприятной осязаемой реальности.

Она с отвращением слушала цикад, путающихся в, уже потерявшей радостный розовый, листе, и кляла их за то, что нынче ночью они наверняка лишат ее сна.

Проклятый розовый. Она ненавидела его – закатный цвет завтрашних болей.

Недремлющий, неунывающий розовый. Пунцовый червь, проникающий в самую кровь, вестник неминуемого конца противоестественно сильного тела.

«Momento, гребаный, mori, будь он трижды проклят!»

И, ведь, никто!.. Никто!

Она не заметила, как снова остановилась. Мраморное, как надгробие папы римского, сердце упало куда-то глубоко-глубоко, наверное, на невидимое дно страха, не в первый раз за последние месяцы что-то проломив там своим весом.

Старуха скривилась, но уже не от боли. Ведь и в правду, все так и будет. Никто не придет, когда... Когда это будет надо. Когда это будет жизненно необходимо.

Размытые очертания надежды все больше напоминают пошлую морковку перед ослиным носом. Дешевая приманка болтается, все больше и больше уходя из поля зрения, и, лишь иногда, по какому-то душку, нехорошо сладкому душку, вдруг проскальзывает отравляющая мысль. Нежеланная, никем не званная: а не крыса ли, дохлая, болтается вместо морковки? Не дерьмо ли, собачье, она принимает за пряник?

Она гонит эти мысли, но они вновь и вновь возвращаются, как назойливые октябрьские мухи, становясь только злее. И она снова закрывает на них глаза. Слишком многое пройдено. Слишком.

Она давно уже по эту сторону реки, зови ли ее Жизнь, зови ли Стикс. Войти в ее воды снова – чего ради? Все равно, что заново жевать выблеванное. Всплывающее в памяти – черно и неприятно, и говорит об одном – там только безнадежнее.

Это порядок вещей. Никто никому никогда ничем не обязан. Цветшее в апреле сохло уже в мае, сохло и маялось все лето. Будет тлеть, задыхаясь в жаре, пока не доберется до конца. Порядок, мать его, вещей! Заведено так, если гниешь – никому, никому не нужна! Если тебя назначили сдохнуть, как ни крути, останется только сдохнуть.

Некоторое время она стояла в ступоре, потирая локоть руки, которой держала саквояж, даже не сообразив, что его можно поставить. Очнувшись, с удивлением обнаружила слева от ноги протянутое вдаль черное пятно. Подтолкнула к нему небольшой булыжник, тот покатился в заросшую бурьяном дренажную канаву, увлекая за собой сухую землю.

«Арык хренов!» – поежилась она.

Изначально она рассчитывала после всех дел найти незанятый колодец теплотрассы, но теперь, случись предполагаемая встреча раньше, даже ввиду высвободившегося времени, уже не стала бы менять места. Боль в костях заводила свои порядки.

Улеглась где-то в середине поля, прямо на землю, укрыв колени от поднимающегося ветра полотенцем.

«Хотя бы не синтетика» – потешила себя старуха, не помня, откуда оно взялось.

Они должны явиться сегодня. Следует держать мозги в холоде. Они стараются заставить врасплох, и мысли подкидывают, гадкие мыслишки, чтобы мозг циклился на чем-то левом. Они умеют. А потом, как школота, попадаешь на очередные обещания, данные тобой же. И добываешь гребаную кровь новопреставленных еще и еще, и каждый раз все больше и больше.

Старуха рефлекторно опустила руку чуть ниже пояса, где вшитый в исподнее, под юбками, бережно хранился старинный стеклянный бутылек. Воистину драгоценная склянка. Сработанная неизвестно кем, в какие времена, из тончайшего стекла, как у елочных игрушек, но весьма и весьма прочного. Настолько прочного, что когда на третий день службы, на колокольне, увидев висельника, вернее – висельницу, чье тело еще даже не остыло, она, зеленая и впечатлительная, дала слабинку, и сосуд выскользнул из пальцев, пролетев вниз несколько метров, то сосуд этот не разбился! Ни трещинки, ни скола, вот какой сосуд!

Потом не раз роняла его, и каждый раз с облегчением переводила дыхание – ибо собирала в тот сосуд выкуп. Выкуп за ее самое драгоценное. Ради чего и жила. А потеря сего предмета грозила утратой всякой силы договора.

Ламашту намеревался пригнать контролера. Так ей намекнули. Да и давно пора – сосуд практически полон. Но, чем ближе пиршество, которое по договору, она должна устроить, тем неуютней и тоскливей.

Злые немигающие глаза чуть прищурились, сеть темных черточек прошла по прото-ренным дорожкам морщин. Суставы не то, что ныли – выли на ветер. Желтая, в бляшках, почти змеиная, кожа, не понимала, прошла ли жара изнуряющего дня, или только зарождается под ее покровами, запекаясь под ногтями кровь заставляла пульсировать места, где зараза нарушила соединение кожи с роговыми пластинками. Все это, вкупе с мыслями, лезущими изо всех прорех неусыпаемым червем, начинало сводить с ума.

Но боль отступала, и тогда женщина остервенело вгрызалась зрачками в черноту космоса. А он пустыми глазницами нехотя поглядывал на нее, маленькую, иссыхающую соперницу. И они ненавидели друг друга – черное, древнее небо, и старая, никому не нужная женщина. Ненавидела пустоту поднебесного купола, пустоту ветра, несущего начало большого холода, что нынче вырвался на волю, ненавидела мир, в котором негде главы преклонить на склоне лет. И больше всего ненавидела их.

Нанимателей. Партнеров.

Черное, изуродованное серыми бельмами облаков, небо криво ухмыльнулось ее вселенской глупости. Пальцы судорожно сжались от бессильной злобы, запекло под веками.

«Они выполняют договор! Выполняют, обезьяны чертовы!» – почти беззвучно зашипела старуха.

Договор – он не так и прост! Нарушь они его хотя бы раз – сами же и обгадятся, так что нет, нет, нет! А если и попробуют – она глаза им выдавит, в кишки вгрызется, она...

«Выполняют! Выполняют!»

Две огромные звезды синхронно выплыли из-за сползающей к юго-западу серой пелены, заставив женщину оцепенеть. Царственно, не мигая, на нее взирал Вседержитель. Высшее существо – на старую, слабеющую комариху.

Не отдавая отчета, она зажмурилась. Скрипнув зубами, зацепила один из больных, от чего тут же протрезвела. Никто больше не пялился на нее. Со стыдом обнаружила, что скадилась до самых примитивных, инфантильных мыслей.

«Подкидываете, гаденыши? – ядовито ухмыльнулась, растянув дыру рта почти до ушей, – Хрен вам!»

Она снова нащупала бутылек. Кровь. Ее всегда очаровывало содержимое, и первым всегда возникал один и тот же вопрос. Чем отличается эта от той, что живет ее старое тело?

Проведя холодной, похожей на стеклянную иглу, склянкой, по коже скулы, ощутила сладостное притяжение запретного плода. Веки захотели отсечь ум от реальности, зрачки замутились и подались вверх. Дрожащей рукой стала водить по надбровным дугам, по скулам, стараясь не забыть, но и не в силах прекратить.

«Моя теплее!» – яростно выдавила она, стиснув ноющие зубы от неестественной алчбы, и рука сама оторвала наполненный кровью сосуд от лица.

Как же ненавидела она этот маленький артефакт! Изящная безделушка неизвестной эпохи была сущей опухолью. Паразитом. Наркотиком. Она поняла это, еще будучи новенькой, а с возрастом ужас обнаруживал себя все острее.

Наниматели. Партнеры. Они снабдили ее особыми силами. Никто из ровесниц не мог бы похвастать такими. Да и ей-то похвастать не перед кем – всех поели черви!

«И детушек, поди, уж доедают!»

Ведьма скривила нечто, похожее на победную улыбку, но растерянные глаза лишь отразили мороз поблескивающего космоса.

Однако... С самого начала склянка высасывает из нее кровь. Не жидкость – душу.

Хрена там иллюзия! Хрена моржового проекция! Ее всегда грызли сомнения. Треская жизнь всегда учила одной и тому же – верить некому вообще. Возможно, это единственное, что еще могло бы по-настоящему угнетать, не разучись она рефлексировать. Зато неуверенность эта порождала отчаянную злобу, а та, в свою очередь, придавала сил.

Рваные облачка трупиками тащило по звёздному небу. А они не противились.

«А хера кобениться, если...»

...если ты никто, и нет у тебя никого? Ни матери, ни отца, ни друзей. Ни детей. Ни будущего, ни даже прошлого. Если ты – никто, и это – твое единственное настоящее имя. Зло щурясь, спрятала склянку, в тысячный раз поежилась, ища удобную позу.

«Ни отца, – беззвучно напевала она некоторое время мантру, – ни друзей. Ни сына. Ни отца, ни сына...» – массируя ноющие коленные чашечки, потом кисти, и снова колени.

Как жить, когда твоя кровь цвета розового заката? Глубоко вдохнула еще достаточно жаркий воздух.

Ветер легкими порывами застенчиво прервал песню цикад.

Дунул, стих.

Снова дунул, снова стих.

На несколько мгновений наступила полная тишина, нарушаемая, разве скрипом сухих легких. Неприятная тишина.

«Я не одна?»

«Я не одна!»

Сделавшись слухом, улавливая даже скрип вращения земли, она услышала еле различимое дыхание.

«Что за?..»

Раздался кашель. Старуха вздрогнула.

– И сказал Создатель: «Да рассыплются светила многие во тьме, и да светит огонь в светилах долго!» – слова прозвучали слишком близко. Опасно близко.

Старуха не ожидала такого поворота. Мужской голос. Вернее – шипение. Вязкое, томящее. И как же дурно стало от него – она и не помнила, когда вот так было не по себе! Чувство бесконечной обреченности. Бесконечно, свихнуться, какой бесконечно безнадежной потерянности.

«Ты, ублюдина, из каких глубин выползло?» – скривилась она. Никак он не тянул на посланца Ламашту. Перед глазами опять встало недавнее видение Вседержителя, и страх скрутил пустые кишки.

«Что, если это...»

– Между прочим, так и сказал! И ведь звезды действительно красивы в эту ночь? – ядовито продолжил шипеть неизвестный, вызвав почти паническую, самую тоскливую тоску, – Из всех красот мира эта – древнейшая.

Старуха не понимала, как реагировать. Лишь старательно вслушивалась в звуковую картину. А вырисовывалось странное. Голос шел снизу, словно некто, как и она, лежал на земле. Или полз, но остановился.

Зачем полз? Или – почему лежал? Гостиница тут, что ли?

«Что если это ОН?!» – она не хотела даже думать об этом, еле гасила истерику. Ее разбирало желание вцепиться бы в его поганный рот, разорвать – по горизонтали, по вертикали! Чтoб не... Чтo б... Чтoбы заткнулся, змеюка такая!

«Змей? – осенила ее догадка, – Змей! Значит, все-таки... от Ламашту?.. Но почему вот так, как какой-то клоун?»

Однако страх говорил красноречивей всяких доводов. Кто-то из самой преисподней!

«Неужто... ОН?!»

Зачем? За... ней? Все внутри холодело от этой мысли.

«Как же, мать твою, ты меня нашел? Темно же, как в заду мертвеца! Кто ж ты, такой, гаденьш?»

– Юная mistress¹ совсем не понимают! Пора бы Вам обратить внимание на звезды! Они же испускают свет! – навязчивый собеседник упорствовал в попытке завести диалог, в котором ей никак – ох! – никак не хотелось принять участие. Чувствовала – поговори он с нею еще немного – она попробует свалить отсюда.

– Звезды, mistress, звезды!

«Звезды?» – с трудом дошло до нее, она покосилась вверх.

Она давно заметила, что ночь прямо таки соткана из двойных огоньков, кои суть глаза. И они следят за ней со своих черных небес, хотя и ничего не осознают. Она привыкла к ним. Они видят, но слепы, никогда не умрут, но и не живы. А потому не страшны. А этот голос... Она жалела сейчас, что нет того ножа, что был у нее с десяток лет тому. По горизонтали! По вертикали! По, блядинище, диагонали!

¹ Английский. mistress. – устар. госпожа (вежливое обращение к женщине).

– Что ж, милая леди, коль Вашим губам сладко молчание, и одинокая ночь притягательней толковой беседы, – змей притворно вздохнул, – не стану боле докучать. Отмечу, однако, что суть нашей беседы должна была коснуться одного из тысяч человеческих имен. Предполагалось к обсуждению мужское – Климент. Что ж, доброй ночи! Три, два, один!..

– Стой! – старуха вскочила на все четыре конечности, чуть не зайдясь в кашле от непривычного для связок крика.

Змей замолчал. Замолчал ветер, остановились цикады. Женщина отчетливо услышала, как по чешуйчатой морде расплзлась ухмылка.

– Стой, паскуда! Стой! – на карачках, похожая на нездоровую псину, ведьма вложила в сиплый бессильный крик всю ненависть.

– Как неожиданно! Или, все-таки, ожидаемо? – голос стал плавно перемещаться то вправо, то влево. И – все ближе. Существо явно издевалось. Издевалось здоровьем, силой, знанием произнесенного имени, – А и ладно! Не станем придавать значения некоторым оценочным суждениям. Слова – всего лишь налет, отображающий степень болезни.

– Климент! – проскрипела старуха, с иссушающей воздух злобой, зайдясь таки в кашле, почувствовав, как все плывет перед глазами.

– Климент! – последовала пауза, старухе показалось, что обладатель голоса что-то достает, что-то изучает, сверяется.

– Все верно, Климент! Климентушка, малыш, как когда-то звала его полоумная мамаша! – это были последние слова неведомой твари, произнесенный с издевкой.

Не взирая на страх, на дикий, животный, страх, старуха истоиво слушала черного змея, и слова щедро вливались в уши, заставляя расширяться зрачки, дрожать пальцы.

Кто-то расщедрился, следуя неясным резонам, выложил старухе страшную тайну. Ту самую, за которую ведьма и готова была грызть глотки, рвать кишки. Гробить здоровье, терять крупницы рассудка, продавать по частям душу, и гнить, гнить, гнить. И кем бы ни был этот некто – ей было плевать.

Голос обрисовал многое, голос поведал о нескончаемо важном, разверз под ногами ведьмы адовы бездны, и две мрачные звезды, мелькающие между разорванных облаков уходящего мира, отражались в проступившей влаге глаз беспощадной и больной женщины.

Глава 3

В городе мертвых

Угли под недобрыми кучевыми облаками алели не понапрасну, дожидаясь, чтоб их раздули. Уже вскоре после заката ветер заставил изгибаться кроны старых тополей – в наползающей темноте их танец напоминал маету водорослей под тяжёлой штормовой водой.

Но куклы этого не видели. Пластик без пульса и кровотока не знал толком, что такое холод и тревога. Куклы помнили и знали лишь то, что видели дома. И только то, что понимали. Как зеркало в прихожей, что видит много, но только то, чему случится предстать пред ним.

При свете угасающего дня старый человек, исполняя желание супруги, оставил их на свежей земляной горке среди смеси пластиковых и настоящих цветов. Оттянул, как мог, до вечера, но – принес и оставил.

– Вот и все! – старик не вытирал слезы, не замечая даже каплю на кончике обвисшего старческого носа.

Впервые за эти бесконечные часы они остались наедине, и теперь он бормотал ей несложные слова, то теряя, то восстанавливая их ход:

– Вот и все... Так, наверное, оно и должно было быть... Вот так... Вот, значит, так... Вот так...

Он всунул сухие пальцы в сырую землю, положил лицо на букет астр, и говорил, говорил, говорил. Никак не мог сказать самое нужное, то, что нужно сказать, если надо проститься на целую вечность, иногда слыша ответы и реплики, и смутно догадываясь, что голос ее стал моложе.

В конце концов, когда сообразил, что подступают сумерки, поднялся, невнимательно отряхнул землю с колен и рукавов.

– Что ж... – помедлив, прошептал он, – Тут сейчас такое начнется... Такое лучше отсюда наблюдать! Сама понимаешь! Дети, вот, только...

Тяжело вздохнул, перекрестился. Пробормотал молитву, а потом, по своему вечному обычаю, оглядываясь, как супруга Лота, заковылял на пустую остановку, тоскливо перебирая дни, когда обещал ей, что умрут они только вместе, и только в один день.

Несколько паломников города мертвых после ухода хранителя обратили внимание на то, что на свежей могиле аккуратно рассажены какие-то необычно красивые куклы, но, проходя, никто не осмелился смотреть туда и лишней секунды. Если игрушки, то, наверняка, под ними ребенок.

– Едрить-колотить! – плохо побритая челюсть Славика, кладбищенского дворника отвисла, опорные стойки тачки с мусором грюкнули и протерлись об асфальт, – Фабэрже!

Воровато покосился по сторонам – никого. Ать! Ешкин кот! Бабка!

«Палево!» – и без того тонкие губы немолодого мужчины превратились в нить. На противоположной стороне ковырялась старуха. Услышав за спиной стук, она распрямилась, прохрустев позвонками.

– Домой вали уже, прикумаренная! – проворчал он, ненавидя понедельник, тянущийся соплей, с раннего утра шумящие в черепе ватные мозги, ненавидя Веруню и все ее это заведение.

Старуха не могла расслышать, но, сообразив, что сказанное относится к ней, прищурилась. С подозрением отсканировала подозрительного молодого человека с ног до головы. Потом с головы до ног. Снова – с ног до головы.

– И? – с достоинством спросила женщина обнаружив грудной низкий тембр.

Судя по запаху и синему халату – она обновляла классический дизайн могильного заборчика.

Славик скривился, с неудовольствием вспомнив вчерашнее утро воскресенья после сабантуя с Веруней.

– Да пошла ты! – фыркнул он, впрочем, на всякий случай не выговорив ни одного слога достаточно четко.

Старуха возмущенно приподняла брови, и хотела что-то сказать, но Славик всем своим видом показал, что хозяин тут он, и вертел ее взгляд на ситуацию на чем следует.

Деловито схватился за ручки тачки, не пойми зачем покосился на свежую могилу – запоминать место никакой необходимости не было – она-то на сегодня была всего одна. Чем и допустил ошибку. Старуха мгновенно считала подозрительный взгляд молодого человека, из любопытства подошла ближе, и, наверняка заметила его кукол.

«Венков накидаю!» – раздраженно поджал губы, и нехотя двинулся прочь.

«Только тронь их, домой не дойдешь!» – мысленно пригрозил он старухе, чувствуя взгляд между лопатками, и смачно харкнул в разноцветную кучу в тачке.

Он прекрасно понимал – уволят, попадись он еще раз, как пить дать – уволят. Эта припаренная, Веруня, скорее всего, кого-то уже и присмотрела на его местечко.

«И, по-любому же – хахаль!»

Она ж, стерва, если надумает – так шустро все проворачивает – опомниться не успеваешь! Так что, лучше с этими делами потихоньку, да без шума! Так-то он никак не призывной, но сейчас хрен что поймешь – будь ты хоть жмур – загребут, еще и сверху чего накиннут. Так, чисто из любви.

– Что со страной сделали, идиоты! Такая ж цапочка была! – снова сплюнул в кучу цветов, ленточек с позолотой, пакетов, – А теперь иди, жизу свою за них ложи? Да на вас-то я и ложил!

Раздосадованный, теперь мучился – а они, игрушки эти, реально ли ценные? Или его подглючило? Чего там сходу можно было разглядеть?

«Да нормалек все, нормалек!» – тут же подбодрил он сам себя, – «Кашерные, шо вся моя жизнь! Придем, увидим, приберем!»

Как минимум, есть с чем к барышнику заскочить, а там и...

Через час с лишним, когда он вывалил последнюю тачку, позвонила сама Веруня.

– Ну, что, Студент, дерьмецо свое убрал?

– Почему – мое? – возмутился, и не без достоинства, Славик.

– Тогда сгоняй в подвальчик, – вечно брезгливый тон начальницы неприятно сверлил из динамика под самую черепную коробку.

– Так мне ж еще у главного входа...

– Мне тоже есть чем занять себя, родной.

Славик растерялся. И там и там вырисовывался свой гешефт, но...

– Так мне самой? – вкрадчиво спросила Веруня, еле обозначив нехорошую улыбку.

– Да ладно, ладно, не проблема, – закатывая глаза, выдавил из себя радушие Славик, – За ваши деньги любые капризы.

– А ты и зайди, у нас и с капризами, и с деньгами – ажурчик.

– Ажурчик-огурчик, – подыграл ей Славик, чувствуя, как авансом попускает дурную вату в черепе.

– Только не телись, как вчера. У меня тут...

Но Славик вырубил телефон.

– Сама и не телись, – проворчал он, повернув тачку к своей подсобке.

Когда темнота избавилась от последнего, самого слабого красного оттенка, у кукол отпала надобность держать образ недвижимой игрушки. Оленёнок положил головку на такой же, как и его тело, пластиковый цветок и тяжело вздохнул.

Они ужасно тосковали. Прошло ужасно много времени – почти целый вечер, длинный, нескончаемый. Никогда еще не было так, чтобы они встречали ночь не в Доме. Глазенки, не смеющие пролить слезу, все световое время украдкой переглядывались друг с другом, ища помощи, но, как слепой у слепого, беспомощный у беспомощного, не могли найти ее.

– Вот и ночь, – первой подала голос Споменка, – теперь вряд ли кто придет.

– Тут еще остались люди, – пожалала Маргоша, – я видела.

– Сейчас время готов, может это они? – добавила Жужа, – Самое их время.

– И место, – меланхолично глядя на покачивающиеся кроны тополей, добавила Ингрид, худышка с разноцветными глазами.

– Готы, не готы, – совсем апатично отозвалась Зюка, и летом и зимой, кутавшаяся в сшитую хранильницей шапку с заячьими ушами, – нам-то, что теперь делать?

Никому не хотелось об этом думать.

– Действительно, а что теперь? – мрачно спросила после недолгой паузы Ингрид,

– Ждать! – безрадостно констатировала Пуговка, накручивая на указательный палец локон, – Нас заберут. Только... утром. Наверное.

И Пуговка, и все они, начинали понимать, что ни уюта, ни заботы этой ночью не будет. Такое и в голову не могло прийти – целую ночь провести вне дома хранителей! Абсолютно нелепый кошмар, странным образом ставший явью.

– Почему он просто не отдал нас дочери? – спросила бесконечно подавленная Эньо по прозвищу Птичка.

Для них для всех это было самой странной загадкой. Это обсуждалось, это не было секретом – Мариса, рано или поздно, должна была сменить стареющую хранильницу. Теперь же, сидя под чужим холодным небом, ни ответов, ни даже догадок, они напоминали рассыпанные бусины.

Споменка вздохнула, намереваясь что-то сказать, но замешкалась, и промолчала.

– У нас будет новая хозяйка, она будет добрая... – Рок-н-Ролл Мама мечтательно закрыла глаза.

– И красивая! – уныло добавила Пуговка.

– Или хранитель. Я слышала – и так бывает, когда основной – не хранильница, а именно хранитель, – знающе отметила Зюка.

– Нет, нет! Это должна быть женщина! Только женщина! – возмутилась Жануария, – Не надо никакого хранителя!

Она положила ладонь на землю между ногами, будто бы собираясь пожалеть ее, погладить, как расстроенного ребенка.

– А я не против хранителя! – пожалала плечами Зюка, – Мужчины – тоже люди, хоть немного и того...

Им всегда было хорошо на полках уютного шкафа хранильницы Алисы, и даже после ее ухода они и не могли бы до такого додуматься, что Дом, где они прожили столько, Дом, где остался один из хранителей, придется покинуть. Они непонимающе смотрели друг на друга, когда старик рассаживал их между искусственных цветов. Шокированные, никак не верили в происходящее. А когда он ушел, оставив – не забыв, а осознанно оставив их – дриада несколько раз порывалась, но так и не поведала подругам о том, что довелось услышать только ей, три дня тому – просьбу хранильницы оставить кукол тут, рядом с ней.

«Я хочу проститься с ними. И еще: я хочу отпустить их» – Споменка четко различала слова, произнесенные слабым голосом в тихой комнате, но Споменка в тот момент не смогла допустить эту абсурдную мысль – никогда, и никакая хранильница кукол не посмела бы

поступить так. Дриада не осмелилась озвучить подругам услышанное, в суеверном страхе, что нельзя выпускать такие слова в воздух, дабы произнесенное не сбылось. Пусть и похоже на то, что все уже произошло.

– А кто это – готы? – нарушила тяжелое молчание Мурочка.

– О! Это стражи города мертвых, – поделилась эзотерическим знанием, взятым неизвестно откуда, Дрю, – у них странная тайная жизнь, и о ней совершенно ничего неизвестно! Никому-никому!

– Ой, Дрю! Ой, все! – возмутилась Ингрид, – Вы что, не помните «завтрак гОтгов»?

– «Завтрак гОтгов»? Нет, – сдвинув брови, пытаюсь поймать за хвост ускользающее воспоминание, ответила Жужа, – Впрочем... Впрочем, что-то помню!

– Это было, когда хранители подбирали для меня аутфит², – сказала Ингрид, – а это – дай Глоб³ памяти – лет с тридцать тому назад. Вернее, подбирала-то Алиса, а он, – она небрежно кивнула в сторону остановки, – как всегда городил ерунду. Рассуждал, что завтрак, если он готов до полудня, то это вполне завтрак, и о нем говорят, что он готов, а если после – то «завтрак готов» следует говорить с ударением на первую «о». Вроде того, что готы никак не жаворонки. Я ведь тогда и стала готкой, с его подачи.

– Суп-культура, – совершенно серьезно добавила Птичка, – Молодежная.

– Уже триста лет, как не молодежная! – заметила Зюка, – Из них, если кто еще и жив, то одряхлел так, что только и может, что размышлять о симфонии метеоризма и геморроя, да с завидной цикличностью напоминать внукам, какая в старину была прекрасная жизнь. Как в их время все было чище, светлее и все такое.

– Молодежная, или нет, – сказала Ингрид, – но глаза мне именно с тех пор всегда ставили разные, в честь Брайана Хью Уоррена. Он – главный из них, из готов. Вроде как слепым был, а зрачки его были вырезаны из двух разных камней!

– Они были сделаны из украденных сильмариллей⁴! – внезапно произнес кто-то мужским голосом.

Наступила гробовая тишина.

– Сильмарилли, сильмарилли, установленный факт!

Куклы, заозирались во все стороны, не видя говорившего. Казалось, голос исходит отовсюду сразу. Сестры Ирреалики⁵ сбились в более тесный круг.

– Кто ты? – настороженно спросила Споменка.

– Тот, кого вы еще не поминали! – произнес голос, – Впрочем, это объяснимо – вы не на том временном отрезке!

Дриада ничего не поняла. Она не слышала, чтобы люди изъяснялись так сумбурно. Что-то смутное из скудных запасов памяти забило тревогу, напомнив: в мире есть некоторые твари, которых люди не видят, но до жути боятся, хотя и с легкостью поминают.

– Или предстань перед нами, или исчезни, если ты нежить! – смущенная, Споменка попыталась произнести грозно, однако, вышло не очень.

– Жить-нежить, – расплылся в улыбке невидимый некто, – А кто ты? Жить? Или нежить? Скажи ты – и скажу я!

– Не морочь голову! – напустила еще больше угрожающего оттенка, но непослушный голос дрогнул, и Споменка понадеялась, что заметила это одна она.

Он появился из-за временного деревянного креста Алисы. Пушистое черное пятно выплыло, или, скорее, вывалилось, и пред ними предстал шикарный черный котище, с еще

² Аутфит – одежда для куклы.

³ Персонаж из мультсериала «Время приключений».

⁴ Сильмарилли – драгоценные камни из «Сильмариллиона», произведения Дж. Р. Р. Толкиена.

⁵ Подразумеваются три куклы одного производителя – IrrealDoll.

не сошедшей с морды улыбкой, сочетающей в себе голливудское обаяние и голливудскую же наглость.

– На днях меня назвали прохвостом! А я существо старательное, как могу, сношу эти небольшие скорби. И, все же – каков эпитет, а? Полагаю, я – Кот, С Честью Несущий Свои Малые И Великие Скорби.

– Белиберда какая-то! – зачарованно выдохнула Зюка.

– Знаете, какие были имена у коренных жителей Америки? – спросил незванный гость, – Такие длинные, что завистники собрали войска, и... – кот скорбно закрыл глаза, повел мордой в стороны, не желая верить в драматизм исторического события. Куклы ошарашено переводили взгляды с гостя на подруг, с подруг на гостя, озадаченные не столько внезапным появлением, сколько потоком бессмысленных слов.

– С тех пор никто не желает носить длинных имен. Пусть лучше так: имя мне – Достаточно Честный Кот! – с пафосом произнес зверь, сделал театральную паузу, – Мужчина со своими теориями и пищевыми цепочками!

– А я Мурочка! – фарфоровая малютка первая пришла в себя, назвавшись, присела перед незнакомцем в книксене.

– Мурочка! Где ты была сегодня, киска? У королевы, у английской?

Кошечка зарделась, и поспешила спрятаться за широкими одеждами Жануарии, с недоверием изучающей зверя. На несколько секунд повисла неприятная тишина.

– Дриада. Дриада Апреля И Просыпающегося Весеннего Леса, – насторожено глядя на странного кота, без особого радушия, представилась кукла с карими глазами и пепельными волосами, – моё имя – имя из волшебного царства под названием Босния – Споменка, что значит – незабудка. Если коротко – Нена.

– Ого! – то ли кот действительно удивился, то ли съерничал, изогнув не по-кошачьи пластичные брови – Босния! Не бывал, не бывал! К стыду своему, никогда не бывал! Обещаюсь, в ближайшее же время, не откладывая в долгий ящик!

– Я Мишель. Хотя когда-то меня звали Дрю, – сказала одна из трех сестер, которую и сама хозяйка именовала, то оригинальным именем, то данным ею самой, пожалала плечами – ей и самой нравились оба имени. О третьем имени – Ми-Шесть – промолчала, по вполне понятным девичьим причинам. Впрочем, подруги использовали его не часто.

– Марго. Можно Маргоша, меня так звала хранительница, – медленно проговаривая, продолжила сестра Мишель по бренду, помянув любимую хозяйку, грустно покосилась на землю под ногами, – А когда-то меня звали Ино.

– Птичка. Если по паспорту – Энью, – представилась третья из трех, отличающаяся голубоватым пластиком и тревогой в глазах.

– Жужа, – назвалась Жужа, созданная в далекой и загадочной земле Казахстан.

– Ингрид, – сухо представилась Ингрид. Ей, так же, как и Рок-н-Ролл Маме, крайне не нравился кот.

– Пуговка, – назвалась вечно мнительная малышка.

– Жануария, – представилась самая большая из кукол, чернокожая уроженка Бразилии, произведенная на испанской фабрике, – Хотя тот, что оставил нас тут, – она горько усмехнулась, – звал меня Черной Рок-н-ролл Мамой!

– Вот это да – Достаточно Честный Кот вопросительно посмотрел на Жануарию, – Твое имя длиннее моего! Большая редкость!

– Оно из песни⁶, – с досадой пояснила Черная Рок-н-Ролл Мама, – Группа такая, «Алиса», когда-то, была. Это оттуда.

Назвав имя группы, невольно покосилась под ноги.

⁶ «Черная рок-н-ролл мама» – песня группы «Алиса» из альбома «Черная Метка».

– А ведь была, была! Лично помню! Бурно сожалею, что моя конструкция не позволяет носить наушники, но... Кинчев!.. Да его за одну только фамилию необходимо любить. Знаете, если прочесть ее задом наперед, то выйдет...

– А это – Оленёнок! – будучи не в восторге от возни с ее именами, перебила Жануария, – Он не говорит. Мы не знаем, почему. Но он очень смысленный малыш.

– Молчит? – изумился Достаточно Честный Кот, и изумление не выглядело до конца искренним. Он как-то странно изменился в лице – маска шутника поблекла, глаза цвета золотого чая, полные опасной силы, вперились в малыша. Могло показаться, что он не только пристально заглянул в напряженные зрачки Олененка, но и прогулялся по диковинным лабиринтам, ища нечто, что сокрыто там. Они оба, словно загипнотизированные, замерли на считанные мгновения, затем как ни в чем ни бывало, кот вспомнил о своей очаровательной улыбке.

– Не терплю узнать – каковы ваши планы, детки? Местечко, в общем-то, ничего себе, выбрали, по-своему, даже уютненько! – Достаточно Честный Кот картинно обвел глазами окружающие собеседниц могилы, мерцающие в сумеречном воздухе кресты, – Но уже до утра вас наверняка заберёт какой-нибудь местный забулдыга. И хорошо, если донесёт до скупщика старья целыми. А там – кому как повезет! Но дело даже не в том, – блеснув сузившимся зрачком, понизив голос до шепота, произнес, – Еще до зари вас найдет собирательница!

– Собирательница? – нахмурилась Ингрид, – Собирательница чего?

– Крови! – чопорно приподняв брови, сказал Достаточно Честный Кот.

– Собирательница? К-к-крови? – с трудом выговорила Споенка, не понимая, что ее больше испугало – само сочетание слов, или то, что из них исходит.

– Д-ды-да! Именно! Прокатился слухок по срединным феодам, что вы заинтересовали ее. А то и не ее, бери выше! Хм... Ниже, – поправил он себя, – Но – не возьмусь высказывать догадки, я тварь не высокого пошиба, чтобы знать кого именно, и по какому поводу. И все же, упорно твердят, что факт. Собственно, я к вам именно по этому делу! – Кот заговорщически обвел кукол глазами, – Итак, детки! Каковы ваши планы на ближайшие сутки в свете моего сообщения? Только не корите, ни в коем разе, не корите гонца! Гонец старался ради вашего же блага!

– Собирательница крови – она кто? – с подозрением глядя на кота, спросила Зюка.

– Бабушка!

– Бабушка? – Зюка посмотрела на кота как на деревенского идиота, – Старушка, собирающая кровь?

– Почему нет? Слышал, со своим ремеслом справляется на «ура».

– Человеческую! – выдохнула Черная Рок-н-Ролл Мама, – Кровь!

– Да, самую что ни на есть человеческую! Твари, обитающие... Да, собственно, обитающие везде, в свое время нарушили кучу всякого такого, чего не стоило нарушать, сбежали от своего Хранителя, и обитают теперь в своих пустынях. Хотя «в своих пустынях» в данном случае – это, пожалуй, и есть то самое «везде». Они вечно голодны, а кровь человека приятна им до умопомрачения. Люди, вернее, некоторые из людей, иногда, попадают в ловушки. И, вместо того, чтоб выпутаться, они дрыгаются как мошки в паучьих сетях, впутываясь в другие, гораздо худшие первых – в сети этих самых тварей. В итоге – становятся их слугами. Такими, вот, как она. Правда, зачем ей нужны вы – ума не приложу! У вас ведь крови-то толком нет! Нет ведь?

– Н-н-нет! – от волнения Пуговка чуть не пискнула.

– М-м-да! Но на вашем месте я все равно рвал бы когти. Хотя и с когтями у вас напряженка?

– У меня есть нарисованные! – Мурочка гордо вытянула передние лапки.

– Милые лапки! – улыбнулся кот, – У меня никогда таких не было!

Сильный порыв ветра пронес над крестами порванный пакет, дабы запутать в скрипящих ветвях, или налепить на ржавую бочку в бескрайних просторах ближайшей промзоны. Ветер творил. Набрасывал эскиз не рожденного еще дня самыми нелепыми штрихами, расставляя точки и перекрестья, в которых только сам смог бы угадать возможное будущее.

– И... И куда нам бежать? – Споенка выделила последнее слово, как отдельное, как слишком особое, чтобы оно с легкостью могло слететь с губ, удивилась, что оно вообще прозвучало в их маленькой, такой, всегда уютной, такой домашней, компании.

– Я фанат моря! – мечтательно шурясь, ответил Достаточно Честный Кот, – А она, полагаю, воду не осилит. По крайней мере, в количествах, больших, чем в бутылке «Ессентуков». Прогуляйтесь, для начала к западному берегу. Это через во-о-он те деревья, – кот указал лапой туда, откуда днем кукол принес хранитель, – по тропинке, а там, глядишь – и адресок нарисуетя!

– Какой, такой, адресок? – переспросила Споенка.

– Достаточно точный!

Куклы мрачно переваривали навалившуюся информацию. Прогуляться? К морю? Такое не вмещалось в голову.

– Что-то я не поспеваю за Вами! – прищурилась Ингрид, – Вы – кот, но любите море?

– Все коты любят море! Правда, маленькая Кисонька?

– Меня зовут Мурочка!

– Вот-вот, видите, – и Мурочка со мной согласна! М-м-м! Это – особая эстетика! Это вам не вода из-под крана! С шампунем! Бр-р-р! – кот брезгливо поежился, но, вдруг, будто о чем-то вспомнив, задумался. Принюхался.

– Красотка перебирает немолодые лапки в вашем направлении. Д-ды-да! У меня – мурашки по спине, вам бы тем паче не мешкать!

– А если спрятаться? – с надеждой предложила Жануария, – Тут есть где.

– Она удивительно талантлива в деле поисков, – улыбнулся кот, – Настаивать ни в коем случае не стану. Можете притвориться мраморными херувимчиками, поиграть с престарелым человеком в «Горячо-холодно» – почему, в конце концов, и нет? Заодно спросите, почему ее называют собирательницей, и зачем она в неурочное время бродит по погостам.

Кот вытянул левую лапу перед собой, встревожено взглянул на воображаемые часы, и воскликнул:

– Прошла треть пути! Треть! Ну и скорость у старушки!

– Откуда Вы знаете? И вообще, почему нам стоит верить Вам? – спросила Ингрид не столько Достаточно Честного Кота, сколько своих перепуганных, и в мел побелевших, подруг, – Может это у Вас «тю-тю» под черепушкой? Не все дома?

– Давайте называть это так! «Тю-тю»! Самое, что ни на есть «тю-тю»! – кот широко улыбнулся, но Споенке показалось, что различила оттенок обиды в голосе.

– Не обижайся, Котик! – промурлыкала Мурочка.

– Наша барышня, – он деловито взглянул на воображаемый брегет, – не сидит на месте, и, судя по скорости, что наблюдаю я – она занялась всеми видами спорта сразу!

Кот скорчил скорбную гримасу, и умоляюще произнес:

– От имени администрации президента, убедительно просим вас не оставаться на ваших местах! Промедление подобно извержению Везувия, а так же последнему дню Помпеи Брюллова, Карла, Петровича и Павловича!

– Чего? – непонимающе прошептала Ингрид.

– Бегите, глупцы! – Достаточно Честный Кот закатил глаза.

– Хи-хи, – засмеялась Мурочка, – А я знаю, это из кино!

– Западный берег, – дриада указала туда, куда кот указал ранее, – это там?

– Это там, – подтвердил кот.

– По крайней мере, если все это и ерунда на постном масле, – сказала дриада, покосилась на Достаточно Честного Кота, – вернемся. А если правда... А если правда, то мраморные ангелочки из нас не очень.

Никто не ответил. Чем больше из серой неизвестности прорисовывалась безглазая маска неприятного будущего, тем тяжелее у каждой из них давило нечто внутри, там, где у людей соединяются сердце и душа.

– Пойдем? – с робкой надеждой спросила дриада.

Мурочка уселась у ног дриады, обернув лапки хвостиком, с интересом глядя на остальных единственным глазом, что нарисовали ей открытым.

– Прямо сейчас? – уныло спросила Маргоша.

– А когда? – вопросом на вопрос, безрадостно ответила Споенка, – Потом?

– Вот – вот! – нервно промурлыкал Кот, снова взглянув на невидимый хронометр.

– Я согласна со Споенкой! – сказала Черная Рок-н-ролл Мама, – Ну, ее, эту красавицу-спортсменку!

Глава 4

Кошки-мышки

– Нам нужен проводник! – сказала Зюка, – Кто-то, кто поведет нас. Мы – пластмассовые шарнирные куклы, шарнирки... – она демонстративно повертела кистью, демонстрируя шарниры.

– И одна характерка! – отметила Черная Рок-н-Ролл Мама, расправив складки на своих рыжих юбках, – Впрочем, не суть!

– Мы, – продолжила Зюка, – не знаем Вашего мира, а Вы, господин Кот, изволите засылать нас в глухую ночь, не пойми куда. Так, может, и изволите...

– Ну нет! Это ваш путь, и только ваш! С чего старому коту, топтать чужие тропки? Да и море – оно – не так уж и далеко, к утру доберётесь, коли медлить не станете.

– Ха! К утру? – возмутилась Жужа, не веря своим ушам – К утру! Да человек пешком «к утру» не дойдет! На машине – и то целый день! «К утру!»

– Пару часов, – поправила ее Ингрид, – если на колесах.

– Несколько раз там была, – подтвердила Зюка, – это долгая дорога, пешком туда никто не ходит! Что-то Вы путаете.

Особо сильный порыв взметнул в воздух то ли обрывок газеты, то ли очередной рванный пакет, и Олененок, как зачарованный, проследил, как тот тенью пьяного нетопыря отправился ввысь и вдаль, к ночным невидимым радугам, возможно, и к этому самому морю.

– Ну, это как скажете! Я вам сказал то, что сказал! А мне, пожалуй, пора пощадить свои шарниры! Уже слишком поздно, а я всегда слыл послушным мальчиком! – и растянулся всей своей громадной тушей почти на весь могильный холмик, сильно потеснив куколок, почти не оставив им места. Девочки сгрудились у подножия деревянного креста, вдавленные в ворох цветов. Неожиданная обида за хранительницу накатила на Споенку. Пересеклась взглядом с Жужей – и та была не в восторге от такого обращения с местом последнего пристанища любимой ими старушки.

– Не боишься, что она тебя самого и сцапает? – спросила дриада.

– Сцапает? – Достаточно Честный Кот открыл глаза, возмущенно выгнул бровь, – А если я ее сам сцапаю?

– Ой-ой! Ты ее поймашь и скушаешь? – восхитилась Мурочка.

Кот мило улыбнулся, но ничего не ответил.

– Слышала – ведьмы как раз из котов себе воротники и делают, – сказала Жужа, – Писк моды!

– Нет, детки, это тот случай, когда некто и не хочет меня сцапать, и не может! Полная, так сказать, гармония в отдельно взятом вопросе! Она даже не в курсе обо мне.

– А Вы, значит, про нее в курсе! – раздраженно спросила Зюка, – И кто же Вы такой, во всей этой истории?

– Обещаю подумать на счет проводника! – помолчав, отозвался кот.

– Проводника? – переспросила Мурочка. Но он не ответил. Потянулся, и снова закрыл глаза.

– А все-таки, могли бы нам помочь! – буркнула под нос Ингрид.

– Перейдем на «ты»? – Достаточно Честный Кот открыл один глаз.

– Эх, – покачала головой Жануария, – Мужчины!

Кот зевнул, перевернулся на другой бок, демонстративно выбросил лапу в движении, будто желая оттянуть край рукава с часов.

– Половина пути! Ваше время на исходе!

Сильнейший порыв ветра, чуть не смявший самоё небо, ударил в базальтовую темноту, и темнота содрогнулась, словно глухой, спящий колокол, знающий дурное будущее, но со тщанием хранящий молчание.

Дриаде внезапно захотелось взглянуть на невидимый циферблат. Понять, как действует завод диковинных часов. Еле удержалась от того, чтобы этим легким взмахом своей кисти показать времени – текучей стихии – что она не подвластна его переменчивому току. И, как минимум – может захотеть.

Захотеть ударить в дремлющий колокол, расшевелить дурные доисторические пласты мертвой тишины, раз уж они, не приглашенные, обступили их со всех сторон.

– Как далеко она сейчас? – неожиданно решительно спросила дриада. Что-то изменилось в ее лице, наверное, это читалось, потому, что удивленные взгляды сначала воззрились на нее.

Затем...

Затем произошло нечто необъяснимое, о чем, если кого и стоило бы спросить, то именно Достаточно Честного Кота. Но это было не столько странно, сколько незначительно, и не спровоцировало реакции ума, когда он требует спасительного срочного ответа.

Все произошло обыденно и реально.

Достаточно Честный Кот просто встал. Всего лишь поднялся на все свои четыре лапы. Однако это был не совсем Достаточно Честный Кот. Зверь неуловимо преобразился – громадный кот принял в себя пластику идеально высеченных пропорций эллинской скульптуры, изящество смертоносной машины, выпущенной зачем-то не на поприще охоты, но на поприще красоты и философии.

Зверь потянулся, сгоняя нечто, подобное сну, но не сон, он ведь не спал, сгоняя нечто внешнее, иллюзорное, некий покров, скрывающий реальность.

«А он реальный! Опасный и РЕАЛЬНЫЙ! Все происходящее – реально! И то, к чему он нас толкает – это все – реально!» – вихрем, зачаровывая, пронеслось в голове дриады.

«Кто ты, что так меняешь облик? – задалась она вопросом, – Что это, вообще, за день такой? Что творится? Неужели смерть хранительницы предвосхищает погружение в хаос?»

Благородный блеск густой черной шерсти буквально гипнотизировал девочек. Раскрыв рты, они неосознанно жались друг к дружке, не ведая того, участвуя в древнейшем таинстве – таинстве страха. И виной тому стала открывшаяся реальность зверя, донельзя странная реальность. Впервые они испытали его, необъяснимый страх, тот, что старше животного – мистический. Вкусили один на всех, издревле повязывающий не хуже крови, течет ли та в венах родства, или запеклась на ладонях.

Ветер новыми и новыми порывами накидывал широкие мазки на свой недобрый холст, и никому не хотелось подсматривать за работой мастера. Не умея чувствовать прохладу, они ежились, словно ощущали ее, тревожно переглядываясь друг с другом. Мишель косилась, то на Маргошу, то на Эньо, то на дриаду, Черная Рок-н-Ролл Мама прижала к себе Олененка.

– Водонапорная башня, – наконец, произнес Достаточно Честный Кот, и странный образ, так внезапно проступивший в нем, стал меркнуть.

Некоторое время он пробовал на вкус ветер, по-кошачьи щуря наполненные не звериным умом глаза.

– Красотка еще не видит ее, но на вашем месте я бы уже рвал когти! Мадам в ладах с ночными пространствами, а башня – это весьма близко.

– Вы имеете ввиду, то, что она... – подала голос Зюка, но тот раздраженно перебил:

– Да, да! Именно! Она очень скоро будет тут, а потом – там, где будете вы! Поторопитесь и с принятием решения, и с его осуществлением! И... – кот задумался, и в очередной раз расплылся в улыбке, – И, в конце концов, все будет хорошо!

– Я боюсь! – простонала Пуговка, и голос ее утонул в порыве ветра, разбавленного отсветом далекого фонаря.

– Ладно, малявка, – Жужа, сама впервые в жизни борющаяся с накатывающим, настоящим, не игрушечным, ощущением опасности, попробовала ее подбодрить, – Не бойся, я с тобой! – и положила той руку на плечо.

– Сама ты малявка! – отрезала Пуговка, неожиданно, даже для себя, раздраженно скинув с себя Жужину руку.

– Ты чего? – опешила Жужа.

– Ничего! Сама боишься, а меня обзываешь! – насупившись, ответила Пуговка, украдкой поглядывая на подруг.

– Да ладно тебе! – Жужа сделала шагок в сторону и чуть не скатилась с холмика.

– Девочки, прекратите! Лучшего времени нельзя выбрать? – осадила их Жануария.

– Что ж, – не вполне уверенная в собственных силах, в силах их маленькой компании, Споменка, взглянула в сторону танцующих на ветру недобрых деревьев, покосилась на кота, – Наверное, я верю тебе. Хотя все это и донельзя странно, мы пойдем.

«А все-таки, зачем ей мы?» – все больше недоумевала дриада, – «Странно до жути!»

– И, давайте-таки, скорее, спине щекотно! Она, действительно, идет! – Рок-н-Ролл Мама с тревогой покосилась в сторону невидимой башни.

– Как же не хочется! – вздохнула Зюка, – Однако, я – «За».

– Не хочу дожидаться ее тут. Я тоже «За»! – сказала Маргоша, с опаской глядя в темноту, скрывающую от них темную башню.

Дриада взглянула на Олененка. Он всегда участвовал в беседах – просто присутствием и откликом взгляда. Иногда трудно было понять, осознает ли он, о чем идет речь, или у него в голове какая-то совсем своя интерпретация. Взглянула, и с ужасом нашла неуловимую переменную в его глазах. Она не смогла бы объяснить, что именно произошло, но по спине прошелся неприятный холодок.

Малыш пытался рассмотреть нечто в той стороне, где, если верить Достаточно Честному Коту, должна была выситься водонапорная башня, и дриада поклялась бы, что он действительно что-то там видит.

«Как жаль, что уста твои закрыты!»

– А если заблудимся? – подала голосок, готовая капризничать всю ночь, Пуговка.

– Так глазены для того тебе и вставили, чтоб смотреть! – Жужа раздраженно разбила последнее слово на слоги, – Смотреть и думать!

Малышка вскипела.

– Как будто ты не на той же полке всю свою жизнь провела, что и я! – сердито парировала она, – или, думаешь, что раз в единственном экземпляре, то и ума больше?

– Не просто единственный экземпляр, я авторская кукла! И ты об этом знаешь! Но не в том суть!

– Я серьезно, а ты: «глазены»! – распалаясь Пуговка, – Не в том суть, говоришь суть? А в чем? Поведай!

– Решили уходить – надо идти, а не нюни разводить! А ты только грызню на ровном месте разводишь! – процедила Жужа.

Пуговка чуть не задохнулась от злости.

– Ха! Вы слышали? А кто...

– Хватит! – завопила дриада, – Прекратите! Жужа! Пуговка!

– Я?! – возмутилась малышка, – Ты, что, не слышала? Она же...

– Вы не видите, что творится?! – Споменка еле сдерживалась, чтобы снова не сорваться на крик, и по лицу было видно – ей не по себе, – Вот, никак без мыльных опер?

– Пусть не подначивает! Тогда и не будет никаких... – Пуговка осеклась, встретившись глазами со Споменкой, и фраза повисла неуклюжей и незаконченной. В наступившей короткой

тишине дриада поняла, что из-за нервов не обратила внимания на низкое гудение – кот снова улегся, повернувшись к ним задом, и, чем-то довольный, урчал.

– Мы всегда были подругами, – вздохнула дриада, – Мы не сможем друг без друга. Разве не ясно?

– Ой, все! – отрезала Жужа, метнув взгляд на насупившуюся Пуговку, – Умолкаю! Давайте, только уже двигать отсюда!

Первыми с могильного холмика спустились Споменка и Ингрид. За ними, обгоняя их, сиганула фарфоровая Мурочка. Затем Жужа и Зюка. Ветер корявыми пальцами проникал под одежду, вплетался в волосы паричков. От одного вида этого постоянного движения казалось, что холод пробирает до костей.

«До несуществующих костей!» – отметила про себя Рок-н-Ролл Мама и поежилась.

– Может, найдем себе новую хозяйку! – грустно, выдохнула Мишель, – Такую же, только живую!

– Что ты говоришь?! – брови Жануарии вздернулись от негодования, – Нельзя так говорить! Она же и сейчас слышит нас! – и, чуть тише добавила, – И любит!

– Да? – искренне удивилась Пуговка, с сомнением покосилась под ноги.

– У людей есть Бог. Он забирает их в рай. Такие вещи я знаю верно, – авторитетно заявила Рок-н-Ролл Мама.

– Бог? – Пуговка, сдвинув редкие бровки, недоуменно посмотрела на Жануарию, снова под ноги.

– Хорошо им, людям! – вздохнула Маргоша.

– А мы тоже к ней попадем? – поинтересовалась Мурочка – спуск пришелся ей по душе, и она снова вскарабкалась вверх.

– Ох, детки!.. – Жануария лишь печально посмотрела куда-то вдаль.

Как дети, обнаружившие годный для катания заснеженный холм, они по очереди съезжали с земляной горки.

Жануария, плюхнувшись оземь, вспомнила детей их хранителей. В этих землях настоящая зима – истинная редкость, и коли уж случалось, что снег был дарован тутошним жителям на день-другой, дар всегда оценивался по достоинству – люд, и стар, и млад – высыпал на улицу с санками и без.

Ох, дети! Когда же это было? Куда все ушло? Мариса, дочь Алисы, сама стала хранителем. У нее даже в шесть лет была своя Пуговка.

«А ведь сегодня могли бы быть у нее!» – с тоской подумала она.

Валентин – она так любила этого симпатичного парня с пушком над верхней губой, носом с горбинкой, не осознавая, воспринимала его, как собственного сына.

У них у обоих теперь взрослые дети, и как же странен ток времени, меняющий все, как в замкнутой лавовой лампе! Сколько лет ушло? Куда?

– Малыш, идем! – неожиданно позвала Зюка.

Жануария посмотрела вверх. Олененок, не считая жирного котяры остался один. Он стоял, и просто разглядывал их.

– Эй, малыш! Давай, – поманила его Черная Рок-н-Ролл Мама, – не бойся!

Но он не шелохнулся. Пластиковые волосы пластикового альбиноса подрагивали на ветру. Он несколько мгновений глядел на подруг, причем Жануария могла поклясться – глядел так, будто видит их впервые, потом перевел взгляд чуть выше, куда-то в небо.

– Ну же, Малыш! – нервно, и, даже как-то жалобно, позвала его Ингрид, – Давай, уже не смешно!

– Малыш, ты меня волнуешь! – закатила глаза Зюка, – Какой он малыш?

– Олененок! – строго позвала дриада. Но тот, повинуясь лишь каким-то своим установкам, никак не реагировал. Глаза его вперились в темноту, все – туда же, от чего по спине у нее снова побежали мурашки. Олененок резко перевел взгляд на черного кота, пристально посмотрел на него, снова перевел взгляд куда-то далеко-далеко, за спины подруг.

И, только тогда, словно очнувшись от мыслей, на четырех лапах, инстинктивно выставляя один бок вперед, с врожденной элегантностью кентавра, заскользил вниз.

– Наконец! – поймав его, Рок-н-Ролл Мама с укоризной взглянула в розовые глазенки Олененка, в памяти всплыл образ Валика, сына Алисы, она добродушно потрепала малыша по шевелюре, – Что ж ты чудачествуешь, придумщик?

– Все в сборе? – спросила Споменка, впервые осознавая, что ответственность, так похожая на этого кота-жирдяя, всей тяжестью уже легла на плечи.

– Вроде все, – неопределенно двинула плечами Зюка.

– Я тут! – отозвалась Маргоша.

– И я! И я! – в унисон отозвались Мишель и Эньо.

– Все! – подтвердила Жануария, будучи на одну-две головы выше остальных.

Будто только проснувшиеся, с любопытством, они оглядывались вокруг, словно не просидели тут несколько часов подряд. Будто именно теперь, когда солнце унесло ало-молочный свет далеко, на недоступный их пониманию запад, в почти кромешной тьме увидели больше. Первый шаг еще не был отпечатан на чистоте не начатой тропы, когда большая белая птица, каких никто из них еще не видел ранее, бесшумно пронеслась над ними, заставив вскинуть головы вверх. Мгновение – и она растворилась в густом августовском воздухе, что застил путь на запад.

– Фмоффите, фто я нафла! – услышали они голосок Мурочки из кустов.

В зубах котенка что-то блеснуло. Оказавшись перед подругами, Мурочка взяла предмет лапками, показала.

– Стекляшка, – разочарованно прокомментировала Мишель.

– Это выпало у птицы! – обиделась малышка.

– Птицы? – переспросила Зюка, приблизив стеклышко к глазам, посмотрела сквозь него на далекий фонарь. Стеклышко передали Споменке. По кусочку стеклышка, изгибаясь в две стороны, шли тоненькие прозрачные ниточки.

– Перо! – удивилась дриада.

– Перо ангела! – хмыкнув, ухмыльнулась Ингрид, – Нас осыпают предзнаменованиями!

– Почему нет? – возразила Рок-н-Ролл Мама, – Ты много о них знаешь?

Дриада последний раз взглянула на могилу, на крест. Кот, возможно, самый честный кот на свете, либо, действительно уснул, либо старательно притворялся. Возможно, выполнив свою задачу, не желал вляпываться в чужие проблемы. Предупредил же – значит – уже помог. Почему нет? В конце концов, коту пристало быть самому по себе!

– Эй! – крикнула Ингрид, – Может, все-таки, с нами?

Он не ответил.

– Идем! – сказала дриада.

Под кошачье урчание и шелест ветвей они двинулись, угадывая в темноте рождающуюся тропу, сначала Дриада Весеннего Леса, за ней Ингрид и Жужа, следом Зюка, потом все остальные. Замыкала тайное шествие дочь Бразилии, Черная Рок-н-ролл Мама, сообразившая, что в новой реалии Мурочка и Олененок требуют отдельного внимания.

Они прошли всего пару могил, когда услышали звуки в темноте. По знаку дриады все замерли. Вдалеке, с той стороны, куда днем ушел старик-хранитель, показалась пляшущая красная звездочка.

Огонек приближался. Вырисовались очертания человека, ведущего справа от себя велосипед. Красный огонек оказался сигаретой.

Мужчина не без усилий держался на ногах, то и дело въезжал передним колесом в клумбу, или цеплял педалью прутья очередной ограды. Не дойдя до них несколько метров, прислонил велосипед к могильной ограде. С трудом присел, закурил новую сигарету. Дриада узнала его – вспышка зажигалки очертила слишком глубоко посаженные рыбы глаза. Это был тот самый неприятный человек, сторож, которого Споменка заметила еще при свете солнца. Недобрая глупость зияла во взгляде двумя отвратительными дырами.

«Чур, чур!» – брезгливо поежилась дриада. Кто-то дернул ее за рукав, она оглянулась. Рок-н-Ролл Мама, сверкая белками, беззвучно указывала на клумбу – до нее было рукой подать. До Споменки мгновенно дошло, что надо бы срочно спрятаться. Кивнула, недовольная собой – ей об этом следовало бы подумать первым делом.

Одна за другой, они нырнули в маленькую рожицу космей. Благодаря временному ослеплению от язычка пламени, мужчина не должен был заметить ни мелькания белых фигурок в сумраке, ни покачивания спящих цветков на длинных тонких ножках. Да и с чего бы он стал искать их в цветах старой могилы? – он наверняка знал, куда направляется.

Споменка затаила дыхание, когда человек поднялся на ноги. Что-то проворчал, стряхнул несколько искр на утоптанную у забора траву. Он взял руль велосипеда, и сделал первый шаг, когда она сообразила, что боковым зрением посреди дорожки видит... Мурочку!

«Глупая!» – округлив глаза, мысленно отругала малышку Споменка – громадные колеса, виляя, катили прямо на котенка, а она отчего-то весело прыгала, не понимая, что осталась одна, совершенно не подозревая об опасности.

На какие-то мгновенья колеса и ноги великана скрыли от них Мурочку. Хруст фарфора сопровождал один из тяжелых шагов. Кто-то за спиной дриады в ужасе ахнул.

«А ведь ни царапинки не было!» – в прострации подумала Споменка.

Как очарованная, она проводила чудовище с его дурацкими колесами, все еще тараща карие глаза.

– Ни царапинки... – прошептала Споменка – совершенно не верилось, что все произошло так просто и быстро.

Пьяный сторож остановился, сплюнул, двинул дальше. Споменке захотелось окликнуть его, призвать к ответу. Наказать. Приказать все исправить. Вот только все силы внезапно куда-то делись.

– Дрянь ты мелкая! – вдруг весело прошипела Зюка. Дриада, ничего не понимая, обернулась. Фарфоровая малышка как ни в чем ни бывало, усевшись между Зюкой и Жужей на пятую точку, по-кошачьи чесала за ухом.

– Как ты?.. Ты почему не... – задыхаясь от чувств, спросила счастливая и злая Черная Рок-н-Ролл Мама, – Ты!.. Ты!..

– Ты что, не видела его? – подбоченившись, спросила Мурочку Пуговка, указывая на человека.

Мурочка, на короткое мгновенье сосредоточенно посмотрела на нее, принялась чесать за другим ушком.

– Малыш, следи за нами, – ласково попросила ее Мишель, провела котенку ладонью по головке, – Я бы не хотела, чтобы ты потерялась и осталась тут совсем одна.

– Там была красная бабочка! – деловито пояснила Мурочка.

Пройдя еще несколько метров, человек снова прислонил – чуть не уронив – велосипед к одному из свежих деревянных крестов. Было видно, как он присел возле могилы их хра-

нительницы. Зажег фонарик. Стараясь прижимать луч света как можно ближе к земле, стал шарить в цветах. Потом – вокруг.

– Твою же мать! Твою же мать, Веруня! – луч судорожно шарил и дергался, но обнаружить, естественно, никого из кукол уже не мог.

– Не дадут нашему котику отдохнуть! – скупой улыбнулась Ингрид.

С минуту, приглушенно, путаясь в вязком ветру, звучали обрывки брани. Человек сымитировал кого-то, скорее всего из начальства, обматерил того на чем свет стоит. Пошарил дрожащим лучом по соседним могилам, но ориентиры он запомнил наверняка, поэтому и сделал единственно логичный вывод: опоздал.

Потом послышался негромкий удар – мужчина уронил фонарик. Последовало очень черное ругательство, некоторая возня, затем еще более черное. Часть кукол даже и не поняли, что услышали, старшие лишь интуитивно догадались, и то больше по интонации.

– Бедный дяденька! – пожалела его Мурочка.

Бедный дяденька уселся на землю, опять закурил. Сообразив, что зажигалка тоже дает некоторый свет, поводит ею, зажженной, в десятый раз отчаянно вороша цветы на холмике. Огонек потух, он снова смачно выругался.

«Фу таким быть! И похож на гоблина, и ведет себя, как гоблин!» – поморщилась дриада.

Они дождались, когда, уже не так скрытно, разозленный, он возвращался обратно, тарыхтя велосипедом, кляня какую-то Веруню, кляня Викусю, кляня Карину, и снова, по кругу их, и других, чьи имена они уже не могли расслышать.

– Изыди, изыди, нежить, и не морочь голову! – пафосно прошипела Ингрид, и девочки, впервые за несколько дней рассмеялись.

Они миновали свежие, затем несколько старых могил, с ограждением и без. Заросли лесополосы приблизились, и стали значительно выше, когда куклы встретили еще одного обитателя города мертвых.

Это был кот. В отличие от их нового приятеля, этот выглядел неприветливо. Поджарый, похожий на поеденную молью шубу, в зубах он держал бездыханное тельце мышки.

– Ой! – ахнула Жужа.

Маргоша зажмурилась, Пуговка и Мишель отвернулись.

Заметив их, зверь замер, но всего на мгновение. Глаза блеснули зеленым ядом. Зверь нежно положил добычу на асфальт, прижал лапой, тут же отпустил, поняв, что та уже не убежит. Мышиный трупик с надорванным ушком и блестящей царапиной через спину и шею, ничего хорошего не сулил куклам. По-паучьи крадучись, вплотную подобрался к ним, и, будто его никто не видит, стал принюхиваться к странным существам, кивая мордой в такт вдохам.

– Мы не твоя добыча! – ровным, без эмоций, голосом произнесла Споменка, – Мы не еда! Мы – дела рук человеческих, оставь нас!

Услышав голос, кот отпрянул.

– Мы не вкусные! – нервно улыбаясь, готовая провалиться сквозь землю от страха, пискнула Мишель. Подергивая кончиком худосочного хвоста, зверь снова приблизился. Снова принюхался. Аккуратно тронул лапкой Жужу. Та зажмурилась и втянула голову в плечи. Кот тронул еще раз, уже смелее.

– Мы игрушки, но для человека, а не зверя! – запоздало уточнила Споменка, но коту уже было безразлично. Он даже о мышонке забыл. Жажда зрелища одолела жажду хлеба, и, не успели куклы опомниться, как началась игра.

Жужин паричок улетел, зацепившись за коготь. Пуговкина вязаная блузка белых пастельных тонов, бережно хранимая от моли и пыли, получила сразу несколько непоправимых затя-

жек. Рок-н-Ролл Мама выпучила глаза, схватила пластиковую розу, выпавшую из мусорной тачки, и стала что есть мочи хлестать головореза по бокам.

– Гад, гад! Будь я побольше, уже дал бы стрекача! – кричала она, лупя зверюгу бедным цветком, увертываясь от выпадов.

Не успела Пуговка поправить сорванную кофточку, как была повалена на асфальт прыгающим вокруг Жануарии зверем. Кот вошел в раж, в ход пошли когти.

Первой получила рану Маргоша. Выставив правую ладонь, инстинктивно ограждая себя от опасности, она не столько почувствовала, сколько услышала злое «чирк!».

Вогнав когти в юбку Рок-н-Ролл Мамы и зацепившись больше, чем следует, пытаюсь освободиться от ткани, елозил бедной характеркой⁷ по асфальту, как тряпкой по немытому полу. А она голосила, то ли от боли, то ли от испуга. Пуговка и Мишель подхватили, и общий визг добавил в заваруху еще больше сумятицы.

Дриада схватила «боевой» цветок Жануарии. Удар. Еще удар.
«Бестолку!»

Бандит комком отшвырнул от себя темнокожую беднягу, и через мгновение, лежа на спине, энергично жонглировал самой Споменкой. Парик улетел в мелькающее перед глазами пространство. Когти разодрали юбку от пояса и до колена, оставили отметины на спине, шее, ладонях. Разворот – и она полетела в траву, сильно приложившись затылком о камень.

Эстафету с розой перехватила Ингрид. Кот гротескно отпрыгнул, снова наскочил – теперь на нее. Не стал игриво заваливаться на спину, прыгать вокруг, да около – схватил Ингрид зубами за голову. Ей повезло – ни один из клыков не попал в глаз – стала бы она слепой, или нет – тайна, которую никогда потом не хотелось знать.

Жужа и Птичка попытались оттащить зверя за хвост, но, заведенный, он не обратил на это усилие никакого внимания, даже не заметил, как разбросал их. Много позже, отказавшись исправить маленький скол в мастерских металлического города, Птичка с гордостью рассказывала о приключениях, каждый раз демонстрируя его под левым локтем.

Ингрид, вопя, выпала из каштаново-черного паричка. Один из зубов, все же, прочертил царапину по правой стороне. Потом, увидев себя в ведьмином зеркальце, она будет делать вид, что сердце не обливается кровью – шрам прошел по правой скуле, через изящно нарисованную бровь, через лоб.

Олененок глазел на все это не смея пошевелиться. Наконец, получил и свое. Рухнув, подмятый одной из задних лап, почувствовал, как скрипнул пластик в заднем левом колене. Не пойми откуда вылетела, и ударила в бок Мурочка, и Олененку показалось, что она... смеется!

Кот пнул Жужу, швырнул Мишель, где-то между ними мелькнула малышка Мурочка. Кто-то плакал, кто-то хрипел от одышки, но кот играл ими беззвучно. И это было самое неприятное, это взбесило Зюку. Она взорвалась.

То ли троглодит выбил у Жужи затылочную панель, то ли ее сорвало ударом об асфальт – она ползала на четвереньках, дезориентированная, ища кусок своего затылка, а кот раз за разом толкал ее, не давая найти равновесие.

Подскочив к хищнику, Зюка вцепилась в длиннющие, жесткие усы, во всю мочь закричала в самую его морду:

– Отстань от нее! Не то усы повырываю!

Кот ее толкнул, Зюка потянула сильнее.

– Ты меня понял? Ты меня хорошо понял?

⁷ Характерные куклы – вид коллекционных кукол.

Зверь оторопел. Оторопели все. Внезапно стало слышно, как плачут Пуговка и Мишель, как тяжело дышит сидящая на заду Жануария. От избытка ярости Зюка никак не могла отдышаться, а зверь, казалось, вот-вот позорно отведет взгляд в сторону.

Зюка сжала, и натянула усы изо всех сил. Кончик хвоста замер, стало очевидно – сейчас произойдет взрыв, и короткое путешествие завершится, как вдруг откуда-то из глубины кладбища раздался громкий низкий рык.

– Мамочки! – непроизвольно вырвалось у Мишель. Все замерли. Кот вмиг оробел, вжался в асфальт, пуча растерянные глаза, кончик хвоста сник.

Опять наступила короткая тишина. Они, как ковбои на дуэли, глядя друг на друга – компания кукол на зверя, а зверь – на них, провели с пяток секунд, не решаясь пошевелиться.

– И что нам теперь делать? – пытаюсь отдышаться, просипела Ингрид, сердито сверля разноцветными глазами зверя. Споменка судорожно размышляла.

– Отпусти его, – процедила она сквозь зубы. Подруга не реагировала.

– Зюка!

Правый ботинок чуть подался назад. Кот зашипел. Оба замерли. Споменка заметила – Зюка ослабляет хватку. Кот снова зашипел, угрожающе выгнув спину. Однако невидимый ночной кошмар снова зарычал, и уже ближе. Кот, как ошпаренный, отпрыгнул. Зюку отбросило от мордворота, но она сохранила равновесие. Снова, задыхаясь от ярости, подалась было к нему, но Жануария успела ее удержать.

– Попробуем уйти, – медленно, цедя сквозь зубы, проговорила дриада, – если что – ныряем под ту ограду! – кивком головы указала на следующую могилу, увитую плющом. Железная решетка никак бы их не спасла, однако, узнать об этом беглянкам не довелось.

Кота заклинило. Видно было, как в нем борются азарт и страх, и последний побеждает с неприличным для молодого самца отрывом. Щурясь, принохивался, резким движением головы и мускулов реагируя на каждый порыв ветра, ловя малейшие звуки в окружающем сумраке.

«Испугался!» – злорадствовала Споменка, хотя и самой не хотелось знакомиться с адовой тварью, что дает о себе знать таким рыком.

– Парики! – задыхаясь от адреналина, прошипела Зюка, – Парики надо забрать!

– Малыш!.. – только и ахнула Рок-н-Ролл Мама – Пуговка рванула к коту, выхватила деталь Жужи прямехонько из-под ошарашенной морды. Кот зарычал, но напасть не посмел.

«Боишься, боишься!» – зло улыбнулась Споменка.

Косясь на хищника, они собрали с асфальта все, что увидели.

«Стоп, а где мышонок?» – вдруг осознав, что того нет на месте, задалась вопросом дриада.

«Сбежал???» Скользнула взглядом по сторонам. Его нигде не было.

Пуговка и Мишель суетливо прилаживали Жужину затылочную часть. Никогда раньше им не доводилось делать работу мастера, а уж тем более при таких обстоятельствах! Когда паз, не без усилий, войдя в свою ложбинку, щелкнул, и Жужа подняла голову, Жануария похолодела от ужаса.

– Ой! – пискнула Пуговка, закрыв ладошками ротик, чтоб не вскрикнуть: правый глаз Жужи неестественно запал, и теперь была видна только половина зрачка. А вместо левого... Вместо левого зияла черная дыра!

Жужа встала, пошатнулась, обняла Пуговку.

– Спасибо! – произнесла она пересохшим голосом.

– У нее шок! – сдерживая накаत्याющие слезы, прохрипела Рок-н-Ролл Мама.

– Уходим! – прервала их дриада, – Без суеты, Ингрид, первая!

Они обошли кота по широкой дуге, под прутьями ограды, делая вид, что не боятся. Лучше всех получилось у Мурочки. Она проводила кота томным взглядом, и даже остано-

вилась, чтоб, соорудить глазки. Жануария, заметив сие противоречие логике, схватила ее за лапку, увлекла за собой.

– Ты что? Тебе нравится этот... – шокированная, она не смогла подобрать подходящего ругательства, которого бы был достоин налетчик, но которое при этом стоило бы впускать в детские ушки, – Этот... бандит?

– Он веселый! – радостно промурлыкала малышка, – Если вернемся, можно с ним поиграть?

– Это тот большой котик так громко рычал, да? – спросила Мурочка, когда они ушли достаточно далеко.

– Да уж никак не корова! – меланхолично сказала Зюка, трогая царапины на коленках.

– Достаточно Честный Кот! – голосом, не терпящим возражений, ответила Жануария.

Выяснилось, что так думают все.

– Шел бы уже вместе с нами, и не выделялся! – проворчала Жануария.

Глава 5

Кровь Хранительницы

Ведьма ступила на землю мертвой крови. От особой энергетики, которую ни с чем нельзя спутать, почувствовала прилив сил, даже боль в суставах притупилась.

«Годное было бы место для ночлега! Правильное! Жаль, нельзя...» – подумала она, закусив губу, провела ладонью по мрамору креста, украшенного позолоченными буквами и датами. Поблекшей позолоте нечего было сейчас отразить – ни луны, ни фонаря, и, промолчав в ответ, она потухла еще больше под сухой старушечьей ладонью.

Перемещаясь между могил, проворно и бесшумно, как черная сколопендра, без труда нашла окраинную зону, где кровь еще несет в себе ценную память: страхи, злобу, отчаянье. Пища богов. Пища богинь. Как не понять хозяев, если даже она чувствует эти богатые, букеты, разноцветные, невообразимо дурманящие! Будто ты голодный нищий на ярмарке. Младенец под набухшей грудью.

Ох, мать же за ногу! Она бы и сама сейчас присосалась к этому сладостному соску, свернувшись в позу эмбриона, созерцала бы нити мира и трех кудельниц, созерцала бы черноту вселенной, нескончаемые оттенки черноты, созерцала бы угасание звездного света в блаженной пустоте! Но...

Нет у нее сего инструмента! Все, что есть – стеклянная игла, двенадцатая и последняя, с запечатанной в нее кровью, собранной за последние шесть с половиной долгих лет, не принадлежащий ей накопитель, сладкая радиация из которого только лишь подпитывает силы. Замораживает, и вбирает в себя ее собственные страхи и отчаянье, впитывая в свои темные воды весь яд ее отсроченной старости.

Она нашла самые свежие точки зоны, потом из них – самую свежую. Оценивающе взглянула на холмик. Кто-то разбросал цветы. Сиротки? Они самые? Кто и почему оставил их тут? Зачем безобразничали? Ответы не откуда было взять – этих деталей змей не открыл. Что ж, хоть их тут уже и нет, но, по крайней мере – разбросанные цветы – косвенное подтверждение его слов.

Ведьма потянула носом воздух, и сладкая истома прошла под кожей спины. Она не планировала, совсем не планировала, понимала, что спешит, но, таки поддавшись искушению. Собираательницам не позволено вкушать от трудов своих, но сегодня все иначе! Редкий шанс, если не испробовать дурманящего нектара, то хотя бы обонять его. Да и сила лишней не будет.

Она неуклюже опустилась на колени, и жадно вогнав в рассыпчатую землю пальцы, прямо туда, где несколькими часами ранее нечто похожее делал старик, призвала кровь умершей, произнеся на мертвом вавилонском одно лишь слово. По мышцам и коже сладкой судорогой прошелся мороз.

«О-о-о!» – кряхтя, застонала старуха, изогнув спину в экстазе. Поясницу, а затем и все суставы зашлись от щекочущей истомы. Старуха часто задыхалась, скрипя и сипя нездоровыми мехами.

– Скудель! Кудель! Пряха! Прах! – вырывалось, то вместе с горячечным выдохом, то протискиваясь между стиснутых зубов, создавая сиюминутную гармонию видения и логики.

– Ткут! Прах! Ткут! Прах! – рычала она в полусознании, когда ей пригрезились полдюжины женских рук, чертящих знаки между звездами, знаки, наполненные сейчас тонкими смыслами, такими тонкими, что ради них стоило бы остановить Землю, дабы им вняли ангелы и Бог.

Но только нет Бога – есть бледный зверь, мраморный как крест, с позолотой знаков на шее, и он идет вслед за ней, помогая ей повторять:

– Тут-Ткут-Прах! Тут-Ткут-Прах!

Легкие вдыхали тяжелый воздух, ум захлебывался от истории крови.

Старую женщину на мгновение, растянувшееся внутри себя на целую вечность, захлестнуло волнами новых видений.

Невидимые тексты горя и страхов, отчаяния и страхов, злобы и страхов – бесконечно распускающаяся роза, заманивающая в свое нутро, роза дурного алого цвета, роза почерневшей крови – она впитала в себя женщину, опутала лезвиями букв, электричеством растянутых в нити слов, опутала страшными свитками, полных текстов гнилого лимонного колера.

Тексты проносились и проносились, выложив перед ведьмой жизнь обладательницы крови, и тут же растворялись в черных водах Леты, и она, хоть и не стремилась ничего узнать – совершенно незачем, – но, поневоле, прониклась некоторыми деталями жизни умершей.

– Сестра! – неконтролируемым, дрожащим голосом выдохнула ведьма, сама не зная, почему, слишком погруженная в состояние глубокого кайфа. А через несколько секунд стала приходить в себя: судорога, сводившая мышцы спины, ослабла, мерцающие зрачки выползли из-под верхних век. Гудящий колоколом на несколько секунд сдавило обруч вокруг затылка и висков, женщина зажмурилась, выдавив влагу из слезников, замерла.

Выдохнула. Еще раз, и еще. По телу прошла череда мелкой дрожи. Старуха выдыхала, как когда-то, после единственного в жизни, давно забытого оргазма. Не открывая глаз, вспомнила о произнесенном только что слове. Но поток видений ушел, цельность их восприятия сошла на нет, и то, что она видела и понимала секунды назад, выветрило начисто.

Осталось только слово. Она приняла сидячее положение, просидела еще с минуту, чтобы не свалиться от головокружения. Очухавшись, вспомнила, что теряет драгоценное время.

«У тебя важный день, Лиса, ты сегодня, похоже, таки, сменишь хозяина!» – и тут же зашлась в истеричном смехе, быстро переросшем в гогот ополоумевшей. Смеялась не от того, что что-то показалось смешным, скорее – из-за остаточного эффекта того что дало «обоняние» крови. А потом нашла и смешное, и уже хохотала от того, что все так странно и страшно, что ничего из предстоящего ей не по силам, от того, что как дура повелась на обещания змея, и от того, в конце концов, что в состоянии аффекта назвала усопшую сестрой.

– Обосраться и не жить! – пыталась выговорить она, шлепая себя по сухим ляжкам, – Обосраться! И не жить! – и черный ветер хохотал вместе с ней, щекоча десны и небо, заглядывая в щели между зубов, занося микроскопические частички заразы в слезники.

Внезапный рокот, выросший ниоткуда, перекрыл шипение ветра над кладбищем. Ведьма, чуть не подавившись остатками смеха, вскинула глаза к серой рыбине, пронесшейся почти над кронами.

– Авиаторы, – прорычала она. Грохот вертолета стих, почти так же резко, как и появился. Ведьма кое-как поднялась на ноги, чуть отрезвленная, начала, наконец, действовать.

Первое, что пришло на ум – прах ищейки.

Она хорошо помнила его – Джек. Джеки Чан, как они его звали – даровитая была псина, да и вообще – ласковая.

Ала заманила Джеки Чана в заброшенную халупу на окраине Ялты, где они ее откармливали специальными снадобьями. Собирательницы, их малый круг, привязались ко псу за несколько месяцев, а пес, похоже, забыв старых хозяев, привязался к ним, молодым дурам. Они-то, наивные, разыгрывали холодное безразличие, а Ламашту ждал, когда между ними и животным образуется связь.

Всеми ожидаемый день настал, и Ламашту спалил беднягу. В обряде участвовали все – не откосил никто. После их напоили дешевым пойлом – и, под утро, как она помнит, весьма завидовала Джеки Чану.

Ведьма достала хранимую в саквояже жестяную баночку из-под какого-то дорогого китайского чая. Бережно, чтобы не рассыпать порошок, раскрыла ее. Высыпав на язык щепотку

и пережевав, пробурчала нужное для приведения сил порошка в действие, и мертвая псина отдала свой дар. Недоступное человеческому обонянию стало обоняемым.

«Ткачихи праха! Да они в сплошную синтетику одеты! Слишком много синтетики!» – удивленно отметила она, когда выделила из многих потоков нужное, и учуяла тонкие нити, что протянувшись далеко в темноту, прочь от могилы.

«Красивые!» – подумала она, попробовав взять один из ближайших концов пальцами, но тот непослушно растворился. Ведьма довольно оскалилась.

«Тут ткут прах!»

Ей нравились такие штучки. Почему-то в голове воскрес такой факт: коли кошка сожрет ниточку «дождика» с новогодней елки, то через некоторое время тот вылезет из зада. Щель улыбки, излишне эмоциональной, разошлась еще шире. Ведьма перебрала еще несколько дымчатых ниточек.

«Как пупырку лопать!» – каждый раз она вспоминала про пузырьки упаковочной пленки, вспомнила и теперь, – «Как, маму твою, пупырку!»

Но, вспомнив о цели, которая отдалялась от нее все дальше и дальше, всполошилась. Поспешно вставила коробочку с прахом Джеки Чана в один из узеньких тканевых пазов внутри саквояжа, и, как можно скорее, последовала по следам обещанных, и, похоже, таки, реально существующих, детей.

«Ды-да! Сегодня день такой – меняю хозяев, как перчатки!» – мрачно, и, уже сосредоточенно подумала она, отметив знакомое ощущение резиновости во рту, что-то такое же в поясице, и поспешила, дабы не пришлось снова жевать это пережженное дерьмо.

Бледная тень серого быка, именующего себя Алеф, последовала за собирательницей.

Глава 6

На тропе

Шелест переполнял новый мир, разверзшийся над, под, и вокруг идущих. Перешептывание ветра и растительности иногда превращался в самый настоящий спор, иногда – в перепалку. Тогда сорванные листья и ветки трещали и сыпались на тропу, пугая кукол.

Среди шумов этих, бледной Кипридой, явилась какая-то местная владычица ночных зверьков и сумрачных созданий. Ее присутствие, за то время, пока они брели среди поскрипывающих деревьев, слышали, и ощущали, и даже видели саму несколько раз, пусть и самым краешком глаза, мелькнувшую в темноте, не только дриада, но и каждая из участниц побега.

Она боязливо подглядывала, пытаясь понять – кто они такие, эти странные путники? Чего понадобилось им в ее владениях? Сумрачная фигурка, то робко вырисовывалась среди полных черной зелени ветвей, то брела бесшумно за ними в темноте на почтительном расстоянии, не пытаясь его сократить. Иногда, осмелев, прокрадывалась чуть вперед идущих, поблескивая совиными глазами из темноты.

– Выйди к нам! – как можно ласковой позвала ее дриада во внимательной тишине замерших подруг, и ветер позволил произнести так, чтобы зов был услышан. Но богиня загадочного мира замерла, уйдя от ответа, и больше не являлась, удалившись по своим неведомым и тихим делам, если кому и понятным, то разве что одной дриаде.

В мире оказалось огромное количество звуков, которых они никогда не слышали, а если и слышали, то – только за окном, все равно, что из соседней галактики, ничем не грозящие, даже любопытные, а теперь...

Теперь эти звуки угнетали. Гул и ной ветра в высоковольтных проводах, старческое кряхтение, ахи и охи стволов, тревожные пiski, возня и шуршание среди ветвей и в траве, когда кто-то из невидимок наступил кого-то, а кто-то с болью встретил смерть – все это предвещало совсем не ту жизнь, которую знали куклы. Невидимки, невидимки, невидимки! Бескрайний, мир невидимок и их страшно загадочных дел! Тревожные, опасные знаки и голоса невидимок, обрывки их песен и воплей, заставляли вздрагивать и озираться, вздрагивать и озираться.

«Чего же ждать от собирательницы?» – с растущей тревогой размышляла Споменка, проматывая по кругу одни и те же вопросы, и даже близко не подходя к ответам: «Собирательница крови... Что это? Она, что – реально собирает кровь? Где? Как? Убивает?»

– Совсем не так я себе все это представляла, – поделилась с ней Ингрид, когда они проследовали мимо утонувшего в темноте ржавого дизельного мотора, сердца умершей в далекие времена доброй машины, овитого и заросшего теперь бурьяном.

– Совсем не то, – уныло помолчав, согласилась Споменка и, оглянувшись на темную грудку металла, приостановилась.

Листья лопуха, изнуренные затянувшимся зноем, поникли, открыв часть спящего существа, давно утратившего должный вид, забывшего все – творцов, их заботу, жизнь и род службы, забывшего даже самого себя.

«Ты ведь – тоже создан человеком, как и я, чтобы жить! Создан творить пульс, разгонять кровь, и был выброшен у случайной тропы!» – пораженная неожиданным открытием дриада попыталась мысленно обратиться к обломку странного существа на языке, не доступном стали и железу, но, тем не менее, ей показалось, что попытка не осталась тщетной. Почувствовала, как что-то в этом куске окислившегося металла дрогнуло, шевельнулось, что-то неуловимое потеплело внутри.

Дриада приложила ладонь к шершавому боку дизеля, и услышала тихое, еле уловимое эхо.

– Хронос! Это же песнь Хроноса! – слова родились сами, и напугали Споенку. И, уж тем более, вряд ли они могли утешить умирающее существо. Ей стало не по себе, а оно тяжело сделало вдох, и шипящее эхо внутри ржавого металла поглотило все без остатка, не оставив ничего для выдоха.

«Хронос пожирает его!» – осенило Споенку, и теперь она скрыла это от страдающего. С отчаяньем, поняла, что сама коснулась беды, в которой не в силах помочь. Снова услышала такой же, с трудом, по крупичкам, собранный вдох, и – снова всепожирающее тихое эхо.

«Насколько же бессильны обладающие жизнью!»

– А все-таки, ты не так уж и одинок! – указала она на растения, окружающие его, но с ужасом поняла, что – мимо.

Ей открылась совсем тоскливая правда. Умирающий окружен такими же, как и он, смертниками. И даже еще более эфемерными, чем он. Обреченного окружали уснувший осот, чахлая от жизни без солнца лебеда, вконец иссохший лопух. Растения, чующие близость осени, и понимающие сейчас больше, чем понимали весной – прорастающую сквозь стебли старость, принимающие скорый свой предел, а пока радующиеся звездам августа, что наблюдают за их тихой и скоротечной юдолью.

«Мы уснем, мы станем прахом!» – услышала дриада печальную, но спокойную песню уставшей от дневной жары, поникшей ромашки.

«Да возьмут из него силы дети наши!» – печально заклинал редкий пырей.

«Дети, которых не узнаем никогда!» – беззвучно заключала лебеда.

– Нена! – обеспокоенный голос Черной Рок-н-Ролл Мамы заставил дриаду очнуться, – Нена!

«Мне надо идти! Простите!» – подавленная дриада убрала руку с шершавого бока двигателя, и поспешила своей тропой, почувствовав, как обрываются, обращаясь в прах, тонкие нити надежды, уже протянувшиеся к ней.

Постепенно куклы перестали шарахаться каждого треска, движения, или, вопля. Птичке понравилось смотреть, как небо медленно дрейфует вслед за ними – она никогда не видела такого, и уже несколько раз споткнулась.

– Ну, ну! Потихе, малыш! – добродушно охала Рок-н-Ролл Мама, – Ты же так дорогу поломаешь!

Олененок, шедший прямо перед Жануарией, под музыку, слышную только ему, в беззвучном ритме чуть наклоняя головку то вправо, то влево, увлекся собственной тропинкой, и, как это часто случалось и раньше, совсем не замечал окружающих. Он, как и Птичка, тоже оступился пару раз, но четыре ноги – это в два раза больше, и в два раза устойчивей, вот он и шел, почти не опуская головки, и представлял, что нанизывает светящиеся огоньки на свои рога.

– Я устала! – уже не в первый раз захныкала Пуговка, чуть замедляя ход. Она совсем ссутулилась от расстройств, но дриада сделала вид, что не слышит.

– Нам надо привести себя в порядок, – скрестив на груди руки, Пуговка простонала самым жалобным тоном, – Давайте остановимся, хоть на пару минут!

– Ты не боишься собирательницы? – спросила ее Зюка, – Тебе не кажется, что она поигрывает с нами в такие игры, что поправлять уже будет нечего?

Все разом покосились на бедную Жужу. Но та, погруженная в собственную черноту, не обратила на последнюю реплику никакого внимания. Как же они понимали ее! Лицо должно снимать лишь Мастеру. Или Хранителю куклы. Больше никто не должен касаться той сакраль-

ной грани, за которой таится загадка их странной, необъявленной жизни. А тут... Глаз... Зверь! Дикий зверь! В пыли и грязи! Все произошло так быстро – кто бы мог знать?

– Прибавим скорости! – мрачно предложила Ингрид.

– Прибавим! – поддержала ее Зюка, и Пуговка, поежившись, ускорила шаг.

– Возможно – хомяк! – пожала плечами Споменка, когда некто, с крупную псину, потревоженный, визжа, то ли взмыл в темноту среди ветвей, то ли пронырнул где-то под ними.

– Ну да! Недоношенный бегемотик! – нервно улыбнулась Зюка, – К тому же летающий!

– Бегемот, сын бегемота! – торжественно произнесла Ингрид.

– В любом случае, пока на нас никто не нападает! – ответила дриада. Ее утомляли споры, сейчас же она буквально чувствовала, как из-за каждой реплики подруг торчат ушки нервного срыва. Она сохраняла, по крайней мере, видимость спокойствия, однако, кто решил, что она стоик?

«Сама, сама! Ты сама шагнула в кроличью нору!» – с горечью укорила она себя, взглянула на Жужу.

– Именно! – подметила Птичка, – Пока что!

– Тебя не скушали, меня не скушали – чудненько! – Зюка держала в руке обломок веточки, и постукивала ею, совсем как мальчишка, по утопанной земле, чем и справлялась, по крайней мере, отчасти, со страхами, так и лезущими изо всех дыр.

– Все образуется, – устало вздохнула Споменка, – Да, Жужик?

Она попыталась взять Жужу за руку, но та никак не отреагировала – вялые пальцы механически сжали ладонь Споменки, разжались, и безжизненная рука ударилась о бедро. Ни ответа, ни, хотя бы взгляда в ответ – никак не похоже было, что она в ближайшее время оправится от шока. После того, как они с большим трудом поправили оставшийся глаз, она ушла в себя, и брела, больше похожая на сонную галлюцинацию.

– Мы не вкусные! Ни один зверь не идентифицирует нас, как фрагмент пищевой цепочки, – менторски, как Мальвина на единственном уроке Буратино, изложила свое понимание вопроса Жануария.

– Как жизнерадостно! – Птичка от возмущения даже остановилась, – Скажи на милость – а чего это вышла последняя заминка?

– Кошки и коты любят играть, – дриада пожала плечами, – а мы – игрушки, как ни крути!

– Не хуже того мышонка, – мрачно заметила Марго.

– Ой, ой! Не напоминай! – запротестовала Пуговка, – Бедненький!

– Мне одной показалось, или он действительно исчез, пока мы устраивали дискотеку? – спросила Ингрид, не раз уже прокрутив в голове происшедшее. Оказалось, что на его пропажу обратили внимание только Споменка и Мурочка.

– Ничего странного, – с сарказмом ухмыльнулась Зюка, – мы были поглощены игрой!

– Игрой! Дурацкий кот! Дурацкий! – проворчала Пуговка, потеревив некрасиво торчащие из кофточка нити, – Эдак от нас одни детальки, да обломки останутся!

– Плоть – темница, все нити – прах! – изрекла Ингрид, обратив внимание на движения ее пальцев.

– А волки? – спросила Маргоша.

– Что волки? – устало обернулась к ней Споменка.

– Если волки тоже любят играть?

– Какие волки! Тут – цивилизация! Вон – мусор на каждом шагу, – Зюка стукнула по сплюснутой пластиковой бутылке, – Это ж тебе не лес!

– Да, но... Всякое в голову лезет. Не то, что волки – крокодилы мерещатся!

– Остерегайся паранойи, Марго! – натянуто улыбнулась Мишель, и тут же испуганно дернулась от очередного треска в ветвях, от чего вверх вскинули головы и подруги, – Впрочем, может, крокодилы, и вправду вышли на наш след!

– И, не исключено, что летающие, – согласилась Зюка, глядя на неизвестное созвездие, похожее на костлявую руку, выплывшую из дыры между облаков.

Ингрид опустила взгляд, и, слева, в сумраке под большими листьями увидела нечто, похожее на каменный шарик. Ей почудилось, будто оно движется. Она приподняла тяжелый лист.

Нечто, не обращая внимания на куклу, продолжило движение, проползло между ног, медленно выползло на тропу. Ингрид поняла, что впервые в жизни видит улитку.

Когда-то, лет сто назад, их в компании была кукла. Шарнирка, как и все они, но – гибрид, как Олененок. Человеческий торс и руки дополняли рожки, раковина и нога улитки, которую кроме нее самой никто никогда ногой не называл.

«Вероника» – улыбнулась Ингрид.

«Какое же у нее было прозвище?» – задалась она вопросом, присматриваясь и разглядывая, как рябь рисунка на раковине скупо отвечает свечению звезд и облаков.

Подруги обступили необычное существо, которое плыло, беззвучно, прямо по земле.

Своенравным существом была она, эта Вероника. Нельзя, впрочем, сказать, что характер у нее был тяжелый. Даже напротив – совсем детский голосок, мягкий и текучий, скорее он и отражал всю ее внутреннюю суть, но...

«Но!» – криво усмехнулась Ингрид.

Что-то покрытое сумраком было внутри Вероники. Старательно укрытое, как этот ползучий полу-камень – полу-субстанция, одетое только в тень, живущее в тени.

«Скрывающее себя – настоящее – за рябью мутного узора раковины».

Она могла сказать: «белое», а немного погодя, то ли делая вид, то ли действительно, уже думая иначе, с легкостью выдавала: «черное».

«Зачем?» – всегда задавалась вопросом Ингрид, не смогла ответить и сейчас.

После общения с ней казалось, что ты потеряла уйму времени на выворачивание ленты Мебиуса. Ты ей о психологических проблемах хранителей, к примеру. А она, поддержав разговор двумя-тремя репликами, словно перематывает файл на другую временную отметку, и невпопад рассказывает о загадочном острове Гозо, на котором никогда не была, и быть не могла, но, словно истоптала его вдоль и поперек, получив право на ностальгию, вспоминает и вспоминает, перебирая, как четки, события, которых не было, и быть не могло. И, уже не обсуждение свежих событий спальни хранителей занимают тишину комнаты, а бесхитростные рассказы о монсеньоре Джозефе, благополучно вступившем в должность в столице острова, с красивым названием – Виктория.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.